

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

**ДИОМЕД,
СЫН ТИДЕЯ**

Книга первая
Я НЕ ВЕРНУСЬ

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Древняя Греция

Андрей Валентинов

**Диомед, сын Тидея.
Книга 1. Я не вернусь**

«Автор»

2000

Валентинов А.

Диомед, сын Тидея. Книга 1. Я не вернусь / А. Валентинов — «Автор», 2000 — (Древняя Греция)

Первая книга историко-мифологического романа Андрея Валентинова посвящена Герою. А хорошо ли быть героем? Настоящим, с божественной кровью в жилах, да еще близким родичем самого Геракла? Наверное, хорошо, если не знать, что твое наследство – безумие, уже погубившее отца, делающее тебя пугалом для сверстников. Диомед, сын Тидея Непрощенного, – один из величайших героев Греции, воспетый в «Илиаде» Гомера. Но Диомед – герой романа – еще не знает об этом. У него другие заботы – кровная месть, преследующая его за грехи предков, первая битва, первая победа, дружба с «дядей Гераклом» и Одиссеем, золотой царский венец. И – Троя. Диомед, сын Тидея, идет на войну. Он знает, что не вернется.

© Валентинов А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Навплия	5
Песнь первая	15
Строфа-I[10]	15
Антистрофа-I	23
Строфа-II	33
Антистрофа-II	44
Эпод	50
Песнь вторая	52
Строфа-I	52
Антистрофа-I	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Валентинов

Диомед, сын Тидея. Книга 1. Я не вернусь

*В остром копье у меня замешен мой хлеб.
И в копье же из-под Исмара вино.
Пью, оперишись на копье!*

Архилох

*Ни очага, ни закона,
ни фратрии тот не имеет,
Кто межусобную любит войну,
столь ужасную людям.*

Гомер. Илиада, Песнь IX

Навплия (Кифаредический ном¹)

Я понял – возвращаться незачем.

Незачем – и некуда.

Он лежал посреди шатра, густой ворс ковра жадно впитывал кровь.

– Этот?

– Этот, ванакт...²

Пальцы еще жили, цепляли воздух, словно пытаюсь ухватить что-то невидимое, уходящее навсегда. Жили – но из пустых глазниц, равнодушных, холодных, на меня уже смотрел Танат Жестокосердный. Ярость ушла, и на мертвом окровавленном лице не осталось ничего, кроме этого взгляда. Я с трудом заставил себя смотреть, не отворачиваться. Рыжий бородач показался знакомым, я уже где-то видел этого верзилу...

В Аргосе? В Микенах? В Калидоне?

Недвижные глаза – маленькие пустые зеркала – притягивали, не давали думать. Танат не спешит. В этот раз он промахнулся. Но будет следующий, затем еще, еще...

Рядом нетерпеливо вздохнули. Мантос, старший гетайр³, недоуменно скреб бороду – такую же лохматую, как у мертвеца, но только черную. Старшой охраны не понимал, зачем ванакт так долго разглядывает мертвеца. Живые смотрят в глаза живым. Покойникам же нет части в этом мире.

Я очнулся. Нет, этого рыжего я видел впервые. Просто он был похож. Очень похож – лохматый, заросший бородой, в одной набедренной повязке – старой, потертой. И даже его кинжал, казалось, вышел из одной кузни с теми, другими. Дорогой кинжал, не в Аргосе отличали. И не в Микенах. Хеттийский? Да, кажется...

– Кто еще знает?

¹ **Кифаредический ном** – повествование, сопровождаемое игрой на кифаре.

² **Ванакт** – дословно господин, владыка – титул, условно аналогичный императорскому.

³ **Гетайр** – дословно «друг», в данном случае – телохранитель.

Старшой покачал головой – тратить слова на такой ответ не полагалось. И так, не знают. Убийцу пытались перехватить у самого шатра – как раз после заката. Он был ловок и смел, посланец Таната Жестокосердного. Городские ворота, где стража из местных, лагерные, где уже стоят мои парни, – прошел, проскользнул, прополз. Или, может быть, морем? Но у берега тоже стража.

В шатер он все-таки ворвался – умирающий, залитый кровью.

Ему не хватило нескольких шагов.

Рука уже не дрожала. Пальцы застыли, так и не разжавшись...

– Уберите. И чтобы никто не видел.

На этот раз гетайр даже не стал кивать. Закапывать не станут – море рядом, привяжут к ногам пару камней побольше да потяжелее...

Неупокоенные, кому не досталось жертвенной крови, блуждают безлунными ночами вдоль дорог, подстерегая нас – тех, у кого кровь еще горяча. Этому придется тревожить дно морское...

Я хотел поблагодарить, но вовремя спохватился. За такое не благодарят. Гетайры просто не поймут. Ведь они охраняют не ванакта, не богоравного правителя Аргоса, а родича. Родича, которому грозит беда.

Когда в Калидоне мне попытались навязать охрану, я удивился. Удивился, затем возмутился...

Хотелось вновь заглянуть в мертвые глаза, но я уже знал, что там: ледяная усмешка Таната и его неслышное «жди». Он терпелив, посланец и бог Смерти. Я тоже должен быть терпеливым. Не вышло в этот раз – выйдет в следующий...

* * *

За пологом шатра меня встретил ветер. В лицо ударил свежий дух смолы и знакомый с детства запах гниющих водорослей. Я огляделся. Костры уже догорели. Кто должен спать – спит, кому стоять в карауле – стоит. К морю? Пожалуй, там сейчас лучше всего.

Странно, с детства не любил моря! Не любил, боялся – а теперь вроде бы и идти больше некуда. Одна у меня дорога – туда, за влажный горизонт.

Две тени неслышно заскользили рядом. Гетайры не отставали. Я даже не знал, сколько их пошло со мной – двое, четверо. Еще недавно это раздражало, чуть ли не сводило с ума. Отец выходил один на дюжину, один на два десятка. Без щита, без панциря. Тидею Непрощенному не нужна была охрана!

...Но он не был ванактом аргосским. Непризнанным ванактом. Почти самозванцем. А если и не самозванцем, то все равно – не первым.

(Не первым – вторым, как и было сказано тому четырнадцать... Нет, уже пятнадцать. Уже пятнадцать лет! Боги, боги!)

Да, не первый.

Второй.

Год назад, когда меня впервые попытались зарезать – прямо на Глубокой, прямо на потрескавшихся ступенях храма Трубы, в полусотне шагов от нашего старого дома, – я растерялся. Как и сегодня, убийцу не смогли взять живым, и я долго гадал, кому довелось перейти дорогу...

И сейчас гадаю. Хотя зачем гадать? Это мог быть кто угодно.

И я не выдержал – рассказал Агамемнону. Одни боги знают, зачем. Рассказал – и услышал в ответ спокойное, равнодушное: «В первый раз? Меня пытались зарезать уже трижды.

Привыкнешь, Тидид». Трижды! Тогда мне это показалось диким, невозможным. Прошел год – и этот рыжий с пустыми глазами – уже четвертый.

...Это мог быть кто-то из уцелевшей челяди Заячьей Губы – моего любезного братца Алкмеончика. Ему, изгнаннику, проклятому, терять нечего. А может, кто-нибудь из мертвоглазых выкормышей Фиеста – кого не придушили добрые микенцы и не прирезали Атридовы⁴ стражники. Говорят, уцелевшие бежали в самую глушь Аркадии, где среди лесов спрятано какое-то древнее капище.

Это мог быть привет от калидонских родичей, от тех, кто не простил ни деда – Ойнея Живоглота, ни отца, ни меня самого. Кровь прилипает к рукам – и передается детям. Не все смирились.

Это мог быть (чем Гадес с Психопомпом⁵ не шутят!) посланец от Приама Трусливого. Мы отплываем на рассвете, а я – второй воевода в войске Атрида.

У Агамемнона прекрасная охрана. Хризосакосы – Золотые Щиты. А я еще не понимал вначале, зачем ему хеттийцы-наемники? Неужели царю приходится дрожать от страха в собственной спальне? А ведь Атрид не трус! И я подумал было, что его хризосакосы нужны для пущей царственности. И вправду красиво: шлемоблещущий ванакт на колеснице, пурпурный плащ, белый с золотом скипетр (у него он из слоновой кости, говорят, самого Пелопса память), а вокруг – горящий огонь огромных, высоких, словно башни, щитов...

(Как тогда, в воротах Лариссы. Окружили, стали на колени, оцетинились длинными копьями. Странно, они были готовы умереть за своего царя. Наемники, чужестранцы!)

Впрочем, мои не хуже. Хоть и без золотых щитов. Родичи! Каждый поклялся, каждый смешал свою кровь с пеплом.

Но и это не всегда помогает. Двадцать раз смерть обходила Атрея Великого. Обходила – чтобы взглянуть в лицо глазами родного брата.

Дерзкая волна лизнула ногу, и я наконец сообразил, что вот-вот отправлюсь прямо в гости к Поседайону. Море! То самое, где водятся гидры, страшные гидры...

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул – и на миг захлебнулся терпкой солью. Хорошо! Хорошо, что мы скоро отплываем! И вновь подумалось, что эта ночь – последняя на земле Ахайи⁶.

Последняя!

Я не вернусь.

...И это мог быть кто-то из своих. Самое скверное – и самое вероятное. О таком не хотелось даже думать, но мысли уже не отпускали, цеплялись одна за другую...

Нас слишком много в крепостенном Аргосе! Нас – молодых, сильных, с царской кровью в жилах. Мы не умеем бояться, не умеем жалеть, даже любить не умеем. Слишком долго мы жили под железной рукой деда Адраста, Адраста Злосчастного. Слишком долго ждали...

Дождались! Сначала дядя Эгиалей, затем Алкмеон Губа Заячья. Я – следующий.

А если свои, то кто? Эвриал, Промах, Полидор, Амфилох...

Или даже?..

Нет! Не верю! Сфенел – никогда! Никогда! Но ведь в очереди на трон его место – передо мной. И кто знает...

⁴ Атрид – сын Атрея, отчество (Атреевич). Соответственно: Диомед Тидид (сын Тидея).

⁵ Гадес – Аид; Психопомп (а также Киллений, Гермий) – Гермес.

⁶ Ахайя (земля ахейцев) – в описываемое время юг Греции (Эллады), полуостров Пелопоннес.

Бог Танат вновь взглянул прямо в глаза, и я проклял его, проклял тяжелый, литого золота, скипетр, от которого леденеет, становится треснутым камнем ладонь, проклял пурпур, свинцом давящий на плечи. Я не хотел! Я, Диомед, сын Тидея, не хотел этого!

Не хотел – и не хочу!

Не хотел?

Ветер вновь коснулся щек. Легко, еле заметно, но мне стало легче. Все уже позади. Ночь уходит, последняя ночь на земле, так и не ставшей мне родной, ночь, когда Танат вновь промахнулся. Я жив, я доживу до рассвета, ступлю на черный борт «Калидона».

И не вернусь! Хорошо, что в эту последнюю ночь я один, возле чужого темного моря, где никто не мешает, и только ветер...

...Ветер, огни, на губах – соль. В детстве я все спрашивал, отчего это море соленое? Как-то мама сказала, что морская вода – кровь Океана. Соленая холодная кровь, соленая холодная плоть...

Я еще здесь, я еще не ступил на скрипящие сходни...

...А двенадцать пентеконтер⁷ Эвриала уже у Милаванды. Все эти дни море оставалось тихим, ветер (не зря жертвы приносили!) гнал легкую рябь на восток, кормчие опытные, ходят между островами не первый год. Значит, Смуглый должен был прибыть на место уже позавчера. Вчера – в крайнем случае.

А Полидор со своими лернийцами сейчас где-то между Паросом и Наксосом. У него, толстяка, самые опытные моряки, поэтому корабли (двутаранные дипоры, лучшей постройки) могут плыть даже ночью. Значит, через два дня он будет уже у Самоса. Впрочем, острова уже наши – давно, еще с осени.

Вот так! Приам, старый трус, ждет, пока все мы соберемся у Авлиды. Ну и пусть ждет! Наша с Атридом наживка сработала.

Ключнул!

Странно, я, кажется, успокоился. Всегда успокаиваюсь, когда начинаю думать о войне. На войне все просто и ясно. Здесь – свои, там – чужие. Арей бьет копьем в грудь, а не кинжалом под лопатку.

...Интересно, отчего Приама считают старым? Только и слышишь: старик, богоравный старец (или «старец козловидный», попросту говоря – старый козел). Но – старый. А ведь он немногим старше моего отца. Тому сейчас было бы сорок два, Приаму же, козлу старому, едва-едва сорок шесть – сорок восемь.

Ничего! Познакомимся – спрошу. Хотя... Полсотни детей, дюжина жен, наложниц не считая...

Поистаскался!

Итак, старый козел ждет, пока мы все соберемся у Авлиды. Ну что ж, его согладатаи могут увидеть там Промаха Тиринфца, Промаха Дылду с десятком кораблей. На главном – «Гиперионе» – я приказал повесить свой щит и при каждом удобном (а тем паче неудобном) случае орать «Кабан! Кабан!». Клич нашего рода, конечно же, знают в Илионе.

А мы со Сфенелом и Амфилохом отплываем завтра. То есть уже сегодня. Прямиком к Трое, к устью Скамандра. Интересно, какой вид будет у старого козла?

Даже если не получится, даже если они успеют запереться в городе, главное будет достигнуто. Наш флот – у Милаванды, у Самоса, у Геллеспонта. И у Крита тоже. Значит, море мы уже выиграли! А на суше...

– Ванакт!

⁷ Пентеконтера – пятидесятивесельный двухмачтовый корабль.

Я обернулся. Кто-то высокий, широкоплечий...

...Не «кто-то». Фремонид Одноглазый, старый знакомый, еще с фиванского похода. Кажется, в эту ночь его очередь охранять покой ванакта. Вообще-то говоря, охранять – не значит мешать. Впрочем, рассвет уже близко, а я... А я действительно успокоился.

– Тут эта пьяная собака, ванакт. С кифарой. Прогнать?

На миг представился напившийся неразбавленного вина пес (видел такое однажды, бедная псина!). Ковыляет, мотает мордой... И кифара – тяжелая, черепаховой кости, в зубах.

Так ведь не потянет, бедняга!

– Давайте сюда!

Интересно, отчего это слово «собака» считается оскорблением? Вот и меня в детстве звали Собакой. И не просто, а Дурной. Диомед Дурная Собака! А я не обижался (почти). Люблю собак! Я люблю, а мои куреты отчего-то не любят. И если уж хотят кого-нибудь оскорбить, то вечно безвинных псов поминают.

– Р-радуйся, ванакт!

Пьяная собака проковыляла к берегу, пошатнулась. Рухнула. Левый сандалий слетел – прямиком в воду.

Да-а-а!

Наверное, Фремонид просто не выносит пьяниц. Как и все куреты, да и калидонцы тоже. Недаром у моего деда было столько неприятностей с Загреем⁸, Зевесовым сыном!

– Радуйся, Эриний! Кифару не разбил?

Ответом меня не удостоили. Впрочем, я уже успел заметить, что сумка с кифарой каким-то чудом успела переместиться из-за спины на живот. Значит, уцелела. Значит, еще наслушаемся...

...Если, конечно, сама собака не околумится. От простуды, например.

– Эй, Эриний, вставай! Холодно!

На этот раз мне ответили. Вначале – тяжелым вздохом. Затем...

– Пал я в сражении с Вакхом, певец Аполлона.

Пусть я во прахе лежу, Феб отомстит за меня!

Ну конечно!

Сей певец Аполлона увязался за нами еще в Аргосе. Прогонять не стали – пусть себе! Тем более поет – заслушаешься. Если трезвый, само собой.

– Вставай, вставай!

Поднимая аэда за ворот, я еще раз убедился, что парень – не из простых. Даже ночью, на ощупь, пальцы легко различили дорогое шитье фароса. Правда, при дневном свете его плащ больше похож на грязную тряпку, но когда-то... Как и он сам. Грязен, голоден – а подавания не просит. Пришлось зачислить на довольствие и даже ложку выдать, ибо своей у Эриния не оказалось. Как, впрочем, и миски.

Теперь мы оба сидели – на моем плаще. Я невольно пожалел, что не догадался надеть тот самый – пурпурный. А хорошо бы расстелить этакое на сыром песке, взять амфору да пару вяленых рыбок...

...И мой скипетр – орехи колоть.

– Слушай, Эриний...

Сказал – и чуть не поперхнулся. Ну и имечком наградили парня, никакой клички не надо. В лагере уже смеются: наша, мол, Эриния. Прицепилась – не отстанет.

⁸ Загрей – Дионис.

...А может быть, все-таки кличка? Или прозвище? Ведь отчества он так и не назвал! Такое бывает, особенно если раб или сын раба, но рабы не носят фарос серебряного шитья!

– Слушаю, ванакт, слушаю.

Голова поникла, длинные руки свесились. Сейчас снова брякнется!

– Хотел тебя в-воспеть, а ты все ходишь где-то, ходишь...

И не поймешь – шутит или нет. По-моему, шутит. Или попросту издевается.

– Агамемнона воспой, – не выдержал я. – Он это любит!

– Любит, – покорно кивнула пьяная голова. – Я и его могу! «Брани и мужа пою, Агамемнона, сына Атрея, славного битвами воина, сильнейшего всех браноносца...»

Эриний икнул, попытался махнуть рукой, качнулся.

Усидел.

– Да только у него, я слыхал, уже трое. Воспевают. Куда мне! Я лучше тебя это... воспую.

Я представил, как все это выглядит со стороны. Ванакт Диомед, повелитель Аргоса, Тиринфа, Трезен и Лерны, второй воевода Великого Войска, точит лясы с каким-то пьяницей. И когда! Перед самым походом!..

...Вместо того чтобы напиться самому. Но тут промашка. Не пью. Вина, по крайней мере. А если и пью, то все-таки не так.

– Винопийца ты, Эриний, – наставительно заметил я. – И человек псообразный.

– Это хорошо, – согласился винопийца. – Красиво звучит. Сам придумал, ванакт?

Придумал, конечно, не я. Эриний явно не из Аргоса, иначе знал бы эту старую игру – обругать, но так, чтобы «красиво звучало». Потому и говорят, что аргивянам не нужно бритвы – языком обреются.

Я, конечно, не аргивянин. Не аргивянин, не этолиец.

Чужак!

Чужак, подхвативший пурпурный плащ, упавший с плеч полубезумного убийцы. Чужак, который не может сделать даже шагу без охраны...

Я заставил себя не думать.

Хватит!

Атриду, законному владыке микенскому, не легче. И Менелаю. И Нестору. У каждого – охрана. У каждого – смерть за спиной. Да и раньше надо было думать, раньше! Еще в Калидоне, когда Амфилох привез алебастровую табличку с шестью печатями, а я все еще мог выбирать. Если бы я остался в Этолии. Если бы согласился править в Калидоне Козьем...

Хотя кто знает? Может, случись такое, я тоже собирал бы сейчас войско. Превеликое воинство лохматых козопасов на дюжине кораблей о шести веслах каждый. Как Любимчик. И был бы не вторым воеводой, а третьим гекветом⁹ запасной обозной стражи...

...И все равно плохо спал бы по ночам! И все равно охотились бы за мной, точили хеттийские кинжалы. Каменный трон Аргоса, нетесаная скамья, покрытая бараньей шкурой, в калидонском дворце...

Власть!

Все равно найдется тот, кто захочет сесть повыше, как раз на баранью шкуру, на золоченый трон...

– Ну так как, ванакт, будем, это... воспеваться?

Пьяная рожа пододвинулась, дохнула перегаром. Я задержал дыхание.

Отодвинулась. Хвала богам!

Стражу кликнуть? Чтоб искупали обормота да у костра высушили? Так этакое в море окунать – Амфитрида обидится.

⁹ Геквет – командир.

– Воспевай! – вздохнул я. – Как бишь там? «Славу, богиня, воспой Диомеда Тидеева сына, мужа, воительством славного, первого средь браноносцев...»

Внезапно он хихикнул. Понравилось?

– И ты, ванакт, хотел бы, чтобы о тебе такое пели? Так ведь не будут петь. Скучно!

Странно, его голос внезапно показался куда более трезвым, чем вид!

Я встал, вновь подошел к самому берегу, подождал, пока вода чуть коснется сандалий, оглянулся. Огонек! Маленький, еле заметный, словно кто-то зажег светильник на самом гребне волны. Еще один, еще!

...Как тогда, когда мы пошли охотиться за гидрой...

– Ты плавал по морю, Эриний? Говорят, ночью весла светятся...

– Иногда, ванакт. А если буря, то светятся даже мачты.

Я невольно вздрогнул. Великие боги! Ночью плавать еще не доводилось. Только на рассвете, когда мы с дядей Эгиалеем переправлялись через Калидонский залив. Тогда стоял туман... Нет, я, конечно, не боялся. Ну а ежели и побаивался, то не очень.

(Или это мне сейчас так кажется?)

– Говорят, люди делятся на тех, кто жив, кто мертв, и тех, кто плывет по морю?

– А тех, кто плывет, отделяет от Аида только толщина доски, – охотно отозвался он.

Странно, псообразный винопийца явно трезвел. Ага, вот и за кифару взялся. Ну, сейчас воспоем!

Кифара долго не хотела вылезать из сумки. Наконец звякнула струна, затем другая.

– Твое войско впервые выходит в море, ванакт? Теперь ясно, о чем придется петь. Слышал такую?

Струны вновь звякнули. Нет, уже не звякнули – запели, чисто, красиво. Вот Дий Подземный! Ведь может, пьяница!

– Пойми, кто может, буйную дурь ветров!

Валы катятся – этот отсюда, тот

Оттуда... В их мятежной свалке

Носимся мы с кораблем смоленным.

Зачем страшиться моря? Как морок злой,

Пройдет морозный холод предутренный,

Нам бы на борт взойти скорее —

В руки кормило, подпоры вырвать.

И от причала прочь повернуть корабль

Навстречу ветру. С легкой душой тогда

Мы предавались бы веселью, —

То-то бы пить и гулять на славу!

Струна нерешительно застонала... Умолкла...

Здорово поет! Странно, только что и лыка не вязал!

– Это пойдет, – усмехнулся я. – Как буря начнется, запоем хором. А меня воспевать не надо. Договорились?

Отвернулся, долго возился с кифарой.

Выпрямился.

– Нет, ванакт. Не договорились. Воспевать тебя, так и быть, не стану, а вот спеть о тебе... Это придется. Ведь дело не в тебе самом.

Тут уж я задумался. Не во мне? Да, пожалуй. Не во мне. И даже не в Агамемноне с его мечтой о Великом Царстве от песков эфиопских до льдов гиперборейских.

– Ты хочешь сказать, Эриний, что наш поход изменит мир?

Он ответил не сразу. Наверное, тоже думал.

– Уже изменил, ванакт Диомед! С чем бы вы ни вернулись, жизнь больше не будет прежней.

Я кивнул, соглашаясь, и внезапно понял: мы оба с ним трезвы.

* * *

– Кто ты, Эриний?

– Изгнанник. Как твой отец. Как и ты сам.

Дальше спрашивать не стоило. Дорогой, шитый серебром фарос, сбитые сандалии – и гордость, не позволяющая просить подаяние. Наверное, таким был мой отец, когда вошел в Микенские ворота славного города Аргоса. Хотя нет, отец был в доспехах. Во всяком случае, таким его запомнил дядя Эгиалей. И другие запомнили.

– И все-таки, – не удержался я. – Почему ты стал аэдом?

– А ты бы пошел в наемники, ванакт?

Странно, мне казалось, что рассвет уже близко. Но время тянулось, волны одна за другой накатывались на равнодушный песок, пахло смолой и водорослями.

Какая долгая ночь!

– Наверное, – вздохнул я. – Это единственное, что я умею. И что умел отец.

Эриний кивнул. Конечно, он помнил, кто таков Тидей Непрощенный. Жаль, что я не знаю, откуда взялся Эриний Таинственный.

Из темноты донесся знакомый смешок.

– Аэдом быть нетрудно. Надо только не ссориться с кифарой и помнить об оторванной руке.

– К-как? – поразился я.

– О руке, ванакт. Оторванной. Или глазе. Выколотом, естественно.

Внезапно мне показалось, что я вновь мальчишка-первогодок, только-только взявший в руку деревянный меч. Удар слева, удар справа, копьё над головой...

Он, кажется, понял.

– В каждом деле свои хитрости, ванакт. Если я, скажем, начну... хм-м-м... воспевать Агамемнона с того, как он могуч и силен, сколько у него, э-э-э-э, быков круторогих и телиц млечных, а затем перечислю всех его предков, начиная с Пелопса и Тантала, как думаешь, станут меня слушать?

– Агамемнон станет, – усмехнулся я.

– Разве что. А вот от всех прочих я не получу даже обгрызенной кости. А вот если иначе...

Он на миг задумался, рука коснулась сумки с кифарой. Коснулась, отдернулась.

– Черная весть принеслась из Микен, крепкостенного града,
Славного града, великого, первого в землях Ахейских,
Страшная весть: спит во гробе Атрей богоравный,
Братом родимым убитый – безбожным, распутным Фиестом.
Царскою кровью залиты ступени высокого трона,
Скиптр окровавленный пальцы злодея сжимают...

На этот раз он не пел – просто проговорил, не спеша, нараспев.

– Помню, – вздохнул я, – помню...

Мы были тогда в одном переходе от Аргоса. Меня разбудили, и я долго не мог понять, почему гонец с трудом выдавливает слова, почему заикается...

...и белым как смерть было лицо Агамемнона, когда шагнул он мне навстречу в воротах Лариссы.

– Я тебя понял, аэд, – наконец проговорил я. – Оторванная рука – значит, следует начать с чего-нибудь плохого, чтобы вызвать у слушателей сочувствие, так? Только ты скверно выразился, Эриний. Очень скверно!

А если бы он решил спеть обо мне? С чего бы начал? Наверное, с элевесинского огня, с отчаянного, смертного крика тети Эвадны, с запаха тлена, сменившегося тяжелым духом горящей людской плоти.

Да, с элевсинского огня. Герою следует оторвать руку...

– Скверно, – откуда-то издалека донесся его спокойный голос. – А что ты говоришь своим воякам, ванакт, когда посылаешь их в бой? «Славу в веках завоюйте, о грозные воины!»? Или попросту: «Выпустим этим сукам кишки!»?

Он был прав. В каждом ремесле своя хитрость. Со стороны на такое лучше не смотреть. И не слушать.

– А что еще надо помнить, Эриний? Кроме руки?

– Аэду? – В голосе его промелькнула насмешка. – Ну, не так уж и много. Ты когда-нибудь ел слоеный пирог, ванакт? Сверху свинина, под ней – жареные дрозды, внизу, скажем, осьминоги. Так и в песне. Сначала о боях, затем – о чем-нибудь веселом, чтобы слушатели отдохнули. Ну а потом что-нибудь умное. О богах, например. И – все сначала.

– Значит, пирог, – хмыкнул я. – А боги – это вареные осьминоги?

Заступаться за Олимпийцев я не собирался. Но уж больно самоуверенным был этот как-то слишком быстро протрезвевший бродяга.

– Богов надо чтить, – скучным голосом отозвался он. – Боги всеильны, а посему воздадим им хвалу. И ныне, и присно.

Он, кажется, снова издевался. Но удивляться я не стал.

– Видел я одного аэда, о многомудрый Эриний. Он пришел в Лерну и пытался спеть о том, как Гефест поймал Афродиту вместе с Ареем и сковал золотой цепью. Подробно пел, признаться! Он не знал, что Пеннорожденную в Лерне очень любят...

– Сильно били? – тут же откликнулся он.

– Сильно. А потом взяли овечьи ножницы...

Последнего, правда, я не видел. Но слышал. Полидор-толстяк рассказывал.

– Вот я и говорю, ванакт, – богов надо чтить. И бояться...

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

Я сцепил зубы. Этот наглец слишком много себе позволяет. Ведь не над Олимпийцами смеется. И не просто смеется...

– Мы ведь оба с тобой верим, ванакт, что боги создали мир, что они направляют каждый наш шаг...

И тут я понял. Мне не намекали – подсказывали. Неужели?

– У одного... аэда я услышал такую строчку. Не подскажешь, как там дальше, Эриний?

Я оглянулся. Мокрый песок, еле заметные в темноте гребешки волн. Пусто! Впрочем, если ОНИ захотят подслушать...

– «Мнится нам плоской земля, меднокованым кажется небо»...

– «Номос и Космос – одно», – Вестник сказал дураку, – негромко отозвался он, и я понял, что не ошибся.

Сияющий!

Все три слова на месте: «Номос», «Космос» и «Вестник». Сияющий Третьего Шага! Я сделал только Второй. Знать, что стоит за «Вестником», мне не положено. Пока, во всяком случае. Но хорош! Даже тут умудрился вставить «дурака». И не боится! Впрочем, тому, кто сделал Третий Шаг, бояться уже нечего...

Но как же это? Третий Шаг? Ведь Чужедушец говорил: третий шаг – это...

Я прошелся по мокрому песку, поежился от предутреннего холода, вспомнил о брошенном на землю плаще.

Обернулся.

– Зачем ты пришел, Эриний?

То, что не пьяные ноги занесли его на этот берег, я понял уже давно. Как и то, что Эриний Таинственный был не пьянее меня. Умылся вином, наверное. Умылся, рот прополоскал.

...И вновь показалось, что мне в глаза смотрит Танат Жестокосердный.

– Поговорить, – еле слышно донеслось из темноты. – Поговорить, ванакт...

Я не поверил, но не стал переспрашивать. Кто пришел ко мне этой долгой ночью? Любопытствующий аэд, желающий воспеть аргосского ванакта? Сияющий? Или...

Меч был у бедра, но я знал – не поможет. И гетайры не успеют вмешаться.

Я огляделся, но никого не увидел. Холод накатил, сдавил сердце...

– Где ты?

Спросил, хотя и понимал: на такие вопросы не отвечают. А если и отвечают, то не словами.

Я ждал, но тьма молчала. И каждый раз, когда волна накатывала на мокрый песок...

– Прощай...

Я резко повернулся, пытаюсь угадать, откуда донесся голос.

– Прощай, сын Тидея! Прощай...

Я шагнул вперед, наугад, надеясь догнать, остановить. И замер.

Рукоять!

Знакомая бронзовая рукоять торчала прямо из песка. Почему-то она показалась мне невероятно горячей, словно хеттийский мастер только что достал знакомый кинжал из литейной формы...

– Ванакт! Ванакт!

Наверное, я крикнул. Или просто повысил голос. Во всяком случае, меня услышали.

– Послать погоню, ванакт? Эй, парни!..

– Не надо, Фремонид! – вздохнул я. – Не надо...

Черные крылья Танатоса легки, не слышна его поступь. И никогда не знаешь, откуда повеет холодом. Смерть не медлит. Но все же она промедлила этой ночью! Танат опустил руку, и до рассвета, до близкого весеннего рассвета, до первого крика трубы мне осталось гадать, что вырвало из его рук хеттийский кинжал.

Может быть, все-таки ОНИ? Те, в кого мы, Сияющие, так плохо верим? Не верим, ибо знаем...

Знаем – но, похоже, не все.

На волнах вновь горели огоньки – как в ту ночь, когда мы ловили гидру. Незадолго перед тем Жестокосердный тоже отпустил меня. Отпустил, хотя никто уже не верил...

...Сначала – оторвать руку. Или выколоть глаз. Или – все сразу. А потом начинать пирог: драки, веселье, боги. Пожалуй, ты прав, Эриний Неизвестный, посланец Таната. Так оно и есть. Разве что веселья в моей жизни было маловато.

Или это мне так сегодня кажется? Кажется, потому что я понял: мне некуда возвращаться.

Некуда – и незачем.

Песнь первая Элевсинский огонь

Строфа-I¹⁰

– Мне жарко, мама! Жарко!

– Сейчас, сынок, сейчас, маленький...

На лоб ложится холодное полотенце. Мамина рука легко касается щеки.

– Сейчас, Диомед. Тебе будет легче...

В горнице темно. В углу догорает светильник, тяжкий чад горелого масла не дает дышать. Я хочу пожаловаться маме, но гордость мешает. Я уже почти взрослый. Мне шесть лет! Я не должен жаловаться, не должен плакать!

В углу спит рабыня – та, что должна сидеть возле меня всю ночь. Она хорошая, но иногда говорит плохие слова. Днем, когда я спал... Нет, это она думала, что я сплю, я не спал, я просто не открывал глаза... Она сказала, что я сиротка. Бедный сиротка, который растет без мамки. Это неправда, мама здесь, она со мной!

Меня часто так называют – сироткой. Или даже – сиротой. Мама говорит, чтобы я не обижался.

Жарко! Может быть, уже лето? Ведь я лежу в этой горнице очень давно, наверное, лето уже настало!..

Рабыню не надо будить. Пусть спит. Ведь пришла мама, а об этом никто не должен знать. Никто-никто!

Это наша тайна. Моя – и мамина.

Ее рука ложится на лоб, скользит по волосам.

– Они думают, что я умру. Я ведь не умру, мама, правда?

– Ну что ты, сынок! Сейчас ты заснешь, а утром проснешься здоровым, совсем здоровым.

– И смогу выйти на улицу?

Я там давно не был, на нашей Глубокой улице, в нашем царстве-государстве, что раскинулось от Трезенских ворот до ступеней храма Афины Трубы. А это плохо. Там сейчас наверняка всем заправляют Алкмеон с Амфилохом. Опять, поди, привели своих пеласгов! Без меня Сфенелу с ними не справиться. Может, прямо сейчас наши дерутся... То есть, нет, конечно, сейчас ведь ночь...

– Смогу, мама?

– Конечно, сможешь!

– И на площадь? К храму Трубы?

– Сможешь, сынок.

Я верю. Я не могу не верить маме. Верю, хотя слышал то, о чем сегодня говорил жрец-знахарь с папой. Он шептал по-хеттийски, думал, что я не понимаю...

...И дедушка Адраст тоже говорил с папой по-хеттийски. Я еще удивился – дедушка никогда не приходит к нам домой. А тут пришел, посидел возле моей постели, погладил по лбу. И дядя Капаней, и дядя Полиник... Все они говорят шепотом, никто не улыбается, не смеется – даже дядя Капаней. И Сфенела ко мне не пускают, и Ферсандра. И жарко, жарко!

¹⁰ Песнь делилась на СТРОФЫ и АНТИСТРОФЫ (отдельные повествования), чередующиеся между собой. Завершалась песнь заключением – ЭПОДОМ.

Хорошо, что вечером пришла мама!

– Они все думают, что я умру? Да? Потому и жертву в храм понесли?

Мама смеется, и мне сразу же становится легче. Если мама смеется, значит, все будет в порядке.

– Жертву не несут, Диомед. Жертву приносят. Люди думают, что это поможет.

Я хочу спросить у мамы, когда жертва помогает, а когда нет и почему она так называется – «жертва», но не успеваю. Жар накатывает, мешает дышать. Видеть. Слышать...

...Темная горница, светильник в углу, у спящей рабыни смешно приоткрыт рот. Постель – низкое ложе, на которое легко запрыгивать. Мальчик с мокрой повязкой на лбу, струйка воды течет по щеке, глаза закрыты. Я уже видел этого мальчика!

– Мама!

Почему-то кажется, что меня никто не слышит...

Ее рука сжимает мою ладонь. Или это мне тоже кажется?

– Тише, сынок, тише! Иначе услышит ОН...

Мамин голос... У мамы никогда не было такого голоса! И кто это ОН? И тут мне становится страшно. Я не могу смотреть на мальчика с повязкой. Такого знакомого мальчика...

Темно! Почему погас светильник? Как хорошо, что мама рядом! Как хорошо...

– Уйди! Ты не возьмешь его! Не возьмешь! Слышишь?

Почему мама кричит? Мама никогда не кричит. И почему я не вижу мальчика? Этот мальчик очень похож... Похож на кого-то...

Слова – чужие, непонятные, страшные. Или это ночной ветер бьется о ставни?

– Уйди! Это говорю тебе я – Сова!

С кем это разговаривает мама? Разве ее зовут Сова? Сова – это птица, а маму зовут...

Темно, темно, холодно.

...И пустые зеркальца чужих глаз – равнодушные, мертвые. Взгляд Того, Кто пришел за мной.

Мама! Мама...

* * *

– Спи, спи, хороший господин! Тебе спать надо. Спи, а то не выздоровеешь.

«Хороший господин» – это тоже я. Так называет меня рабыня, та самая, что заснула, сидя на скамье и смешно приоткрыв рот. Заснула – потому что пришла мама, а маму никто не должен видеть...

Мама!

В глаза бьет свет – яркий, дневной. Уже день? К губам прикасается что-то холодное. Не задумываясь, я делаю глоток.

Горько!

– Выпил? Ну и славно, хороший господин, ну и славно. Ты спи, спи. Ты спать должен, иначе не выздоровеешь. Тебя боги отпустили нам всем на радость. И господин Тидей рад, и господин Полиник, и господин Капаней. И ванакт наш, дедушка твой, о тебе справлялся...

Я не слушаю. Я уже понял – мама ушла. Мама ушла, а я так хотел, чтобы она осталась подольше! Мама всегда уходит...

Раз в год мы с папой, дядей Полиником и тетей Дипилой ходим за Микенские ворота к Полю Камней. Там хорошо и красиво, но никто почему-то не смеется, не улыбается. Там даже не играют, хотя за камнями очень удобно прятаться, особенно вечером. Возле одного из

камней мы льем на землю вино и крошим лепешку. Это для тети Аргеи. Папа говорит, что она болела и ушла к Гадесу.

Я знаю – тетя Аргея умерла.

Мне ее жалко. Папа говорит, что она была совсем молодой.

В этом году мы встретились на Поле Камней с дедушкой Адрастом. Тетя Аргея – его дочка. И тетя Дипила – его дочка. Тетя Дипила всегда плачет, когда мы льем вино. Она называет меня «бедным мальчиком». Это потому, что она думает, будто тетя Аргея – моя мама.

Дедушка не плачет. Он никогда не плачет.

Мне жалко тетю Аргею, но я не бедный мальчик и не сиротка. Моя мама здесь, только ее никто не должен видеть. Даже дядя Полиник. Даже дедушка. Даже Сфенел.

Я хочу рассказать Сфенелу о маме, потому что он мой лучший друг. Мама сказала, что я смогу рассказать о ней, но позже. Не сейчас.

А папа почему-то не хочет говорить со мной о маме!

* * *

Под правым глазом у Сфенела – синяк, ухо напухло. И нос – репкой.

Нос у него всегда репкой, как у его папы Капанея. А вот синяк...

– ...Они, Тидид, опять приходили. Алкмеон с Амфилохом свою агелу привели. И еще тех, с Форонейской улицы.

(Агела – это стая. У нас стаи нет. Для нее нужен вожак. А вожаком только взрослый может быть.)

Сфенел сопит, отворачивается.

– Я Алкмеону сказал, что он пеласг.

Мне стыдно. Пока я тут отлеживаюсь, прячусь за темными ставнями, мой друг защищает нашу улицу, наше маленькое царство-государство! Сфенел, конечно, самый сильный из нас. И ростом выше. И вообще, он видом совсем-совсем взрослый, прямо-таки восьмилетний.

Но ведь тех – целая стая!

– И Ферсандра побили. Его в живот ударили. Алкмеоновы пеласги ударили...

Сказать нечего. Сегодня утром я попросил у папы разрешения выйти на улицу. Да где там! Только и позволил, что увидаться со Сфенелом. И то ненадолго.

– Ничего, Капанид, – улыбаюсь я. – Скоро встану!..

Он кивает, но по-прежнему сопит. Мы оба знаем – дела плохи. Амфилоху, сыну дяди Амфиарая, четырнадцать лет, а его старшему брату Алкмеону – целых шестнадцать. Обычно они с нами не дерутся, зато приводят целую ватагу сопляков с Пеласгийской улицы. И с Форонейской. И от Зевса Дождевика. Стаю! Приходят – и начинают играть в бабки прямо у храма Трубы.

Чтобы нас обидеть.

Дядя Амфиарай, который Алкмеону и Амфилоху папа, не любит моего папу. Дядя Амфиарай – лавагет, он над всеми войсками самый-самый главный. Он никогда не бывает у нас. Ни он, ни тетя Эрифила (она моего дедушки Адраста сестра младшая). Дядю Амфиарая многие боятся, говорят, что он «Вещий». Что он слышит, как разговаривают боги. Поэтому с Алкмеоном и Амфилохом никто из нас не хочет дружить. И с их приятелями тоже. Мы их зовем пеласгами¹¹. Пусть обижаются! Все знают – пеласги были очень глупые. Они даже не умывались.

¹¹ Пеласги – древнейшие обитатели Греции, по преданию, жили в Золотом Веке.

– Алкмеон сказал, что ты все равно помрешь, – хмурится друг Капанид. – Сказал, что твою нить Парки перерезали. Я ему в ухо дам. Вот подрасту – и дам!

Хорошо, когда у тебя есть друзья!

– Наговорились, драчуны?

Это тетя Эвадна – мама Сфенела. Все говорят, что она очень красивая. Поэтому дядя Капаней – «счастливчик».

– И вовсе мы не наговорились! – возмущается Сфенел, но тетя Эвадна уже берет его за руку. Капанид потирает разодранное ухо.

– Я скоро встану, – повторяю я. – Мы им всем дадим! Так и передай этому Алкмеону. И пусть не ходят к нашему храму. И в бабки там не играют!

Сфенел хмурится, и я понимаю, что синяк под его глазом – не последний.

* * *

Я сплю. В горнице темно, даже светильник погас. Мне снится мама. Мне снится ее голос.

– Я сделала, что могла, Ойнид. С ним все будет в порядке.

С кем она говорит? Ойнид – это мой папа. Он Ойнид, потому что его папа – Ойней. Так называют друг друга взрослые.

(Взрослые – и мы со Сфенелом. Поэтому он – Капанид, а я – Тидид. Когда старшие это слышат, то смеются. Ну и пусть смеются!)

– Я могу забрать его отсюда. На Пелион или на один из островов. Если хочешь – и тебя тоже. Там нам не нужно будет скрываться...

Где же папа? Почему я не слышу его голоса? Ах да, я же сплю! Мне просто снится мама.

– Зачем тебе этот город, Ойнид? Думаешь, Адраст поможет тебе вернуться в Калидон? Поможет отомстить? Кому? Твоему же отцу? Уедем отсюда!

Я не хочу уезжать. И папа, кажется, тоже. А мама... Неужели она плачет? Моя мама никогда не плачет!

– Ты ничего не сможешь сделать, Ойнид! Семья... Семья помнит обо всех – обо всех таких, как наш мальчик. Боюсь, ОНИ уже догадались. Отец... МОЙ отец не хочет, чтобы в Номосе остался хотя бы один человек с НАШЕЙ кровью в жилах...

Мне становится страшно. Зачем мама говорит такое? Зачем мне это снится?

– Ты ведь знаешь, Ойнид, что МОЙ отец никого не прощает!

Выходит, у моей мамы тоже есть папа? Значит, он мне дедушка? Но почему тогда?..

– Да, и Акаст погиб. И Орфей. И Дедал. И Ясон. А Геракл собирается воевать с Авгием. И вы тоже собираетесь воевать! Понимаешь, Ойнид? Скоро в Номосе не останется никого. Отец сказал, что вы уже не нужны. И наш мальчик...

Мамин голос становится тише, тише...

Умолкает.

Я засыпаю уже по-настоящему, но даже во сне – глубоко, без сновидений – продолжаю удивляться. Почему молчал папа? Что такое Номос? Что за Семья такая у мамы?

И почему мамин папа хочет убить меня?

* * *

Они все-таки переступили границу!

– Феласги! Феласги! Феласги идут!

Ферсандр скатился вниз, едва не упал, ухватился рукой за кривой ствол кизила, глотнул горячий летний воздух.

Выдохнул.

– Алкмеон своих фривел! Их там десять... Твенадцать!

«Твенадцать» – это «двенадцать». А «фривел», понятное дело, «привел». Это он по-беотийски, потому что дядя Полиник, его папа, из Беотии. А по-ихнему – из «Виофии».

Ну а «феласги» – это пеласги. Те самые.

Ферсандру страшно. Он совсем маленький, даже ниже меня. И дерется плохо. И еще он очень худой. Как его папа. У дяди Полиника есть еще два мальчика. Их зовут Адраст и Тимей. Они вместе родились, поэтому их называют «близнецы». Но они еще драться не могут. Им всего по два годика.

Значит, пеласги!

Мы со Сфенелом переглядываемся. Сегодня меня впервые выпустили на улицу. Выходит, вовремя. Граница нарушена! Враг уже на ступенях храма Трубы. Они уже ворвались, они уже здесь!..

От Трезенских ворот до храма Афины. Мимо могилы Арга, мимо маленького храмика Елены, мимо старого Царского дома – пустого, заколоченного старыми трухлявыми досками, мимо черного провала Палат Данаи, мимо дома, где живем мы с папой, мимо соседнего, где живет дядя Полиник, и дальше, к дому дяди Капанея...

Она невелика, наша улица, наша Глубокая. По ней не очень удобно ходить: она действительно глубокая, узкая, похожая на овраг. К каждому дому – и к моему, и к дому Капанида – приходится подниматься по ступенькам, а это очень неудобно, особенно в дождь. Но эта улица – наша. Наше царство-государство, куда нет хода врагам, а особенно пеласгам, этим неумытым дикарям, которые нападают только стаей и только шестеро на одного. Нападают – и спешат спрятаться за взрослыми спинами, как только мы начинаем их бить!

Трое на шестерых, трое на девятых, трое на дюжину. Это – ничего, но сегодня они привели взрослых. Взрослые не должны драться! Это не по правилам. Но они все равно пришли. Амфилох выше Сфенела на целую голову, а Капанид – самый высокий из нас троих.

...И его папа тоже самый высокий. Потом идет дядя Полиник, а потом уже – мой папа. Зато у папы плечи шире. И кулаки больше!..

И еще Алкмеон. С этим не справиться – даже если на подмогу придут все наши приятели. Но они не придут. Они прячутся. Они боятся пеласгов.

Мы – не боимся!

Не боится Сфенел, не боюсь я. Ферсандр... Он маленький и худой, он, конечно, боится. Но он все равно с нами!

Вперед!

Мы бежим плечо к плечу – мимо нашего дома, мимо дома дяди Полиника, мимо дома дяди Капанея. Только бы не заметили, только бы не увели домой...

Папа говорит, что спуску нельзя давать никому. Даже взрослым. Только с богами нельзя драться. А дядя Капаней смеется и говорит, что драться можно и с богами. Когда мы вырастем, он нас научит.

Дядя Капаней смеется, а тетя Эвадна почему-то пугается.

Вот они! Как раз на ступенях храма. Вся стая вместе: сопляки-пеласги, неумытые дикари с грязными носами, Амфилох... Алкмеон!

Ого!

– Меч! – шепчет Сфенел. – Гляди – меч!

В руках у Алкмеона – меч. Деревянный, конечно, не иначе из гимнасия притащил. Мне становится завидно. Завидно – и страшновато. Если такой деревяшкой угадать по затылку!.. Проверено!

Останавливаемся. Переглядываемся. Они... Они тоже переглядываются. Скалятся... Ферсандр пятится назад, я хватаю его за плечо. Капанид смотрит на меня.

Пора!

– Эй, да тут Дурная Собака! Дурная Собака! Дурна-а-а-я Собака-а-а!

Дурная Собака – это я. Это они меня обижают.

– А ну, чешите отсюда, сопляки!

У, Дий Подземный! Они первыми начали ругаться. А в драке, как и в бою: кто начал, тот и победил. Тоже проверено!

Ладно! Пора и нам. Я вновь смотрю на Сфенела, он – на меня. Тяну носом воздух.

– Воняет что-то, а, Капанид? Навоз не убрали, что ли?

Сфенел недоуменно оглядывается.

– Угу. Вон, куча целая!

– Кте феласги – там навоз. В тень съедают целый воз!

Это уже Ферсандр.

(«Кте» – это «где». Ну а «тень», понятно – «день».)

Сейчас кинутся! Но нет, Алкмеон не спешит. На лице – снисходительная ухмылка. Лучше бы не улыбался! У него верхняя губа – пополам. «Заячья» называется. Это ему боги такое сделали.

Меч – в руке. Р-раз! Р-раз! Деревяшка со свистом рассекает воздух.

– Пеласги, чтобы вы знали (р-раз!) – соплячье глупое, – были любимцами богов (р-раз!). Поняли? Они в Серебряном веке жили (р-раз! р-раз!). К ним сам Крон в гости приходил (р-раз!). А за навоз сейчас получите (р-раз! р-раз! р-раз!).

Если он думал нас своей деревяшкой удивить, то напрасно. Я и сам так могу. И Сфенел может. Ну, не так, конечно...

Зато мне папа настоящий меч давал покрутить. Острый! Из аласийской бронзы. А насчет пеласгов...

– Пеласги были дураки. Такие дураки, что боги не захотели на них больше смотреть...

– ...Воняли сильно!

(Это – Капанид.)

– Пришлось богам потоп устроить и всех пеласгов утопить. Как крыс! Вонючих красноглазых крыс! А после потопа навоз остался, его на вашу улицу и занесло...

– И ты его на завтрак ешь!

(Молодец, Ферсандр!)

– Ах, сучата!

– Бей!

Ну, наконец! Я кричу «Кабан!», Ферсандр вопит «Спарты!», Сфенел, ясное дело, «Уноси тепленького!».

Боевые кличи отцов и дедов. Их надо орать изо всех сил, до хрипа, до боли в ушах.

Кабан! Кабан! Кабан!!!

Когда по праздникам папа и дядя Полиник выпьют (дядя Полиник целую чашу, а папа – чуть-чуть), то всегда вспоминают одно и то же. Давным-давно, целых восемь лет назад, они оба приехали сюда, в Аргос. Ворота Лариссы, нашего акрополя, оказались заперты, а в калитку мог пройти только один. Там они и столкнулись. Тогда папа выхватил меч...

...Мелюзгу – в стороны. Их много, но дерутся не лучше девчонок. Разве что вопить горазды. И кусаться...

Вот тебе! Вот!

С ними просто. Сфенел – тараном – в центре. Я – справа, Ферсандр – слева. И – молоти от души!

Кабан!!!

...Папа тогда тоже кричал «Кабан!». На нем был шлем с кабаньей головой – старый, еще прадедушки Портаона. Сейчас этот шлем в оружейной лежит, на самом видном месте. А папа носит другой, с тремя гребнями и с дырками для глаз.

Эге, эти покрепче! Спина к спине – ученые. Да только спина к спине – это для обороны, а в бою надо наступать, наступать!.. И бить, бить, бить! Потом можно посчитать синяки, подергать шатающийся зуб...

Кабан!!!

...А у дяди Полиника на плечах была львиная шкура. (Как у моего дяди Геракла. Я, правда, не видел, но все говорят – большая шкура.) Вот потом и стали рассказывать, что возле ворот подрались Кабан со Львом. А дедушка Адраст решил их помирить и отдать за них своих дочек. Говорят, оракул велел.

А мой папа все равно победил бы дядю Полиника!

Ступени! Мы уже на ступенях. Мы победили!..

– Ну а со мной, этолийский ублюдок?

Толчок в грудь. Амфилох щерится, скалится щербатым ртом. (Говорят, ему передний зуб дядя Эгиалей выбил. Дядя Эгиалей молодец!)

Останавливаюсь – на миг, всего на один миг. Амфилох не должен драться, он взрослый. Он может драться, если бы с нами тоже были взрослые, хотя бы один.

– Что, хитон намочил? Ну, ударь меня, Диомедик, ударь! Ударь, Собака этолийская!

Дурная Собака – это обидно. А этолийская – еще хуже. За такое полагается обижаться. Обижаться – и морду бить!

Меня тянут за руку. Сфенел? Да, это он. Капанид помнит правило: взрослый не может тронуть маленького. Не может – если тот не начнет первый. А вот тогда...

Смех – презрительный, обидный. Алкмеон смотрит прямо на меня, дергает губой своей заячьей (во урод!), рука подбрасывает меч...

Р-раз!

– Плюнь на этого засранца, брат! Что он, что его отец!..

Чернота плещет в глаза. Они... Они не смеют говорить о папе!

Амфилох тоже смеется – еще гаже, еще обидней. Смеется, щерится.

– Эти этолийские недоноски только коз могут портить! Что, Диомедик, твой папочка небось всех козлов в Калидоне разом заменял? Потому и мамочка твоя не выдержала – сдохла?

Мама!!!

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск – и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

– Держите! Держите!

Кого держать?

Рука сама собой сжалась в кулак, дернулась – наугад, не глядя...

– Тидид!!!

Остановил не голос – глаза. Никогда у моего друга Сфенела Капанида не было такого взгляда.

– Тидид... Ты... Не надо!

И тут я опомнился. Опомнился, удивился. И сразу же захотелось спросить: «Почему?». И не одно «почему» – много.

Почему так болит рука? И палец?..

Почему Капанид держит меня – и не за локоть, не за плечо – за горло, боевым захватом, который нам обоим показал дядя Эгиалей? Почему Ферсандр... Ну, это я потом узнаю. Но вот почему Амфилох?..

– Ж-жив? Он ж-жив?

Странно, я никогда не слышал, чтобы зазнайка Алкмеон заикался! Я никогда не видел...

...Видел! Такое лицо было у соседского мальчика, которого в прошлом году взял к себе Гадес. Мальчика звали Эгиох...

– Т-ты! Этолийская сволочь! Ты убил его! Убил!

Кто убил? Кого? Я настолько удивляюсь, что даже забываю обидеться.

– Да позовите кого-нибудь, позовите! Эй, сюда! Отец! Папа-а-а!

Антистрофа-I

Я не понимаю. Я ничего не понимаю.

Когда они собираются вместе – папа, дядя Капаней и дядя Полиник, – горница (большая, на стенах рисунки – птички красные и желтые) сразу же становится маленькой. Дядя Полиник садится в левое кресло, папа – в правое, а дядя Капаней – на скамью. Обычно он смеется и говорит, что подходящее кресло для него еще не сработали. Но сегодня он не смеется.

Не смеется и дядя Эгиалей. Он – четвертый. Кресла ему не досталось, скамьи – тоже. Это неправильно! Дядя Эгиалей – сын дедушки Адраста. Мой дедушка – ванакт, а дядя – будущий ванакт. Когда он приходит, ему уступают лучшее кресло. И ковер стелют. Но сегодня он не сидит, а стоит. Стоит – и ходит, от двери к окошку, назад, снова к двери. И почему-то не обижаются, что все сидят!

Я – пятый, тоже сижу. В уголке, прямо на старой шкуре. Волчьей. Она сыпется, ее, наверно, скоро выбросят...

Говорит папа. Нехотя, словно у него что-то болит. Говорит – ни на кого не смотрит.

– Его оскорбили. Я убивал за меньшее...

«Его» – это меня. Я молчу. Мне... страшно? Нет, не страшно. Но...

– Ты же знаешь Амфиарая, Ойнид! Отец с ним и так на ножах, – негромко бросает дядя Эгиалей, отворачиваясь к окошку.

Интересно, что он там увидел?

– Если его мальчишка умрет...

«Мальчишка» – это Амфилох. Он лежит дома. Он умирает. Это сказал дядя Эгиалей.

– Ну и Кербер с ним! – Отец встает, машет рукой: – Уедем отсюда к хароньей бабушке!

– Ойнид!

У дяди Капанея очень громкий голос. У дяди Капанея очень широкая ладонь. Широкая, тяжелая. Когда он кладет мне ее на плечо, я едва стою на ногах. Но папа – сильный. Ему ладонь дяди Капанея нипочем.

Правда, харонью бабушку он больше не поминает. А я и не знал, что у Харона есть бабушка. Старая, наверное.

– Та ладно вам! Ну, потрались...

Дядя Полиник всегда говорит очень тихо. Он всегда грустный. Я знаю, почему он грустный! Его выгнал из дому собственный брат. Он плохой. Его зовут Этеокл. А дядю Полиника его папа проклял (его папу Эдипом зовут, он тоже очень плохой – так все говорят). Но это ничего. Мой дедушка Ойней тоже проклял папу. И папа не огорчается. То есть не очень огорчается.

Дедушка Ойней плохой! Он даже не хочет пригласить меня в гости. И видеть не хочет!

Внезапно в горнице гремит гром. Почти как настоящий. Но я знаю – это не гром. Это дядя Капаней смеется.

– Подрались! Три ребра, рука и еще печенка. Шестилетний малец! Ну, ребята, я вам скажу! Прямо Геракл какой-то!

Когда дядя Капаней хохочет, горница становится совсем маленькой. Это потому, что дядя Капаней очень большой и высокий. И еще он очень шумный. Как гидра.

– Не сравнивай, – папино лицо почему-то дергается. – Не дай Зевс, чтобы мальчик стал таким же!

Я не понимаю. Я ничего не понимаю. Папа почему-то не любит говорить о Геракле. А ведь Геракл женился на папиной сестре. У взрослых это называется «зять». Папе он зять, мне – дядя. А папа не хочет о нем даже вспоминать!

– Если он умрет, вы уедете в Тиринф, – негромко говорит дядя Эгиалей. – Так решил отец. Но... Будем надеяться.

– Лучше бы твой мальчишка Амфиарая ударил! – смеется дядя Капаней. – Нет, ну надо же, а? Шестилетний! Четырнадцатилетнего оболтуса! Геракл бы точно сказал: «Маленьких обижают!» Помните, как он орал? Ма-а-аленьких обижаю-ю-ют!

Не знаю, громко ли кричал дядя Геракл, но уж не громче дяди Капаней. Все улыбаются – даже папа. Даже дядя Полиник. То есть не улыбается, но... почти.

– Парня учить надо, – роняет дядя Эгиалей. – По-настоящему учить. И не только войне. Есть тут одна задумка...

Учить? Я снова удивляюсь. Я и так учусь. Уже полгода я хожу в гимнасий, там все бегают, прыгают. Я даже на колеснице ездил! Не сам, конечно.

– Ладно, пойду. Если что... Попытаюсь уговорить отца.

Дядя Эгиалей подходит ко мне, кладет руку на плечо (как дядя Капаней папе!).

– Выше нос, Тидид. Выше, еще выше!

Он улыбается. Я краснею. Я удивляюсь. Почему-то я думал, что меня станут ругать. Сильно ругать. А меня никто не выругал. Даже папа! Мне даже показалось, что папа испугался. И не за Амфилоха – за меня.

А зачем за меня пугаться? Я ведь не болен!

– У него то же, что и у меня, ребята. Понимаете?

«У него» – это у меня. Дядя Эгиалей ушел, а меня, кажется, просто забыли выставить за дверь.

– Он говорит, что ничего не помнит. Что он видел реку. И – все...

Дядя Полиник кивает, дядя Капаней – тоже. И снова я ничего не понимаю. Неужели папа болен? Но он не болен, он очень сильный! Его только дядя Капаней побороть может. Он – и, конечно, дядя Геракл.

...Когда папа был таким, как дядя Эгиалей, на него напали враги. В Этолии, где он жил. Папа их всех убил. Он молодец! А дедушка Ойней на него почему-то обиделся. Обиделся – и проклял.

– Мне это стоило очень дорого. Очень!.. Я думал, все кончится на мне...

Почему папа говорит так, будто я болен? И почему никто с ним не спорит?

– Мы, ребята, становимся опасны. Понимаете? Просто опасны.

– Конечно, опасны! – гудит дядя Капаней. – Пусть только кто сунется!

– Я не о том, – отец морщится, зачем-то трет щеку. – Мы все – я, ты, Полиник, Адраст, Тезей, Геракл – потомки богов. Так?

– Та какой я фотомок! – откликается дядя Полиник. – Сетьмая вода на финоградном сусле...

– Все равно. Нас даже называют героями. А какие мы герои? В каждом поколении – безумцы, калеки, просто больные...

Я совсем не понимаю папу. Да, мы все – потомки богов. И Сфенел, и Ферсандр, и даже Алкмеон с Амфилохом. Это – хорошо. Мы – герои!

– Какое-то... ядовитое семя. Геракл... Нет, не Геракл. Иолай, его племянник, сказал, что мы опасны для богов. Ладно, для богов – мы для людей опасны! Я думал, хотя бы Диомед...

– Нато бы к оракулу, – неуверенно предлагает дядя Полиник. – Жаль, Асклефий умер!

– Да иди ты со своими оракулами! – басит дядя Капаней. – Ни приапа собачьего...

– Эй, здесь ребенок! (Это папа.)

– М-м-м... Ни пса они там не знают! Сидят у жертвенников, морды наели и каркают: «Воля богов! Воля богов!» Я бы всех этих пифий разложил бы на полянке и...

– Эй! (Это уже дядя Полиник.)

– М-м-м... И выпорол бы, чтобы людей не дурили. А все идола бы в костер кинул! Какие они боги? Засранцы приапо...

– Капаней!!!

(Это они оба – и папа, и дядя Полиник.)

– А пусть слушает! Слышишь, Диомед? Боги – они не боги! Они что, мир создавали? Человека создавали? Пришли на готовенькое, расположились, как разбойники в чужом доме, и корми их! И деревяшкам кланяйся! А им все мало, проглотаю. Овец мало – быков подавай! Быков мало – людей режь! Что, не так?

Глаза закрыты. Сейчас Зевс кинет молнию...

Сейчас!..

– А все потому, что мы их боимся. А чего их бояться?

– Потому что они сильнее!

Это папа. Я раскрываю глаза. Кажется, обошлось. Добрый Зевс не кинул молнию.

– Они сильнее. А если враг сильнее, ему надо платить дань. Что поделаешь...

И это папа?! Мой папа, который ничего не боится? На миг мне становится обидно за папу.

– Да не сильнее! – огромная ладонь дяди Капанея рассекает воздух. – Это мы – слабее. Вот Геракл. Взял Аполлона – и скрутил. И Таната скрутил! И Аида!

– Это сказки! – качает головой дядя Полиник. – Я его, Геракла, сфрашивал, когда он еще был... Ну, вы понимаете. С Аидом он не трался. Никто не может бороться с Гадесом.

– Потому что все мы – каждый за себя. А объединиться бы всем, таким, как ты, Ойнид. И я. И ты, Полиник. И даже Амфиарай. И Геракл. Да мы им!..

Молнии все нет. Кажется, Зевс простил дядю Капанея. Или просто не слышит? А может – испугался?

– Да ладно, чего скисли? – смеется дядя Капаней. – Все в порядке, только трусить не надо. А твой мальчишка, Ойнид, первым воином будет. Во всем Аргосе! Лучше тебя. И лучше меня! Я снова краснею. Не каждый день такое услышишь. Сам дядя Капаней сказал!

И почему папа не рад?

– Как гофорит Эгиалей, латно, – дядя Полиник встает, почему-то смотрит на дверь. – Уедете в Тиринф – не страшно. Что Тиринф, что Аргос... А не офсудить ли нам, ребята, кое-что пофажнее? Фчера я получил фисьмо... письмо из Коринфа...

И меня выгоняют. Я снова удивляюсь – наверное, в сотый раз за этот вечер. Что они такого собрались обсуждать? Про дядю Амфиарая мне слушать можно, про оракулы можно. И про богов – тоже можно.

А про что нельзя?

* * *

Дядя Капаней часто ругает богов. И дядя Амфиарай тоже. Я, правда, не слыхал, и Сфенел не слыхал, но об этом все говорят. Только ругают по-разному. Дядя Капаней всех богов плохими словами называет, а дядя Амфиарай ругает Зевса. Из-за этого дядю Амфиарая никто не любит, хотя он Вещий. А дядю Капанея все любят – кроме дяди Амфиарая.

Почему так?

Папа не хочет мне объяснить. А маму я еще не спрашивал. Она так редко приходит! В следующий раз я ее обязательно спрошу.

Папа богов чтит. Не так, как дядя Полиник, но чтит. И я хожу в храмы. И жертвы приношу. И Сфенел тоже ходит, хотя его папа богов ругает. У нас в Аргосе полным-полно храмов! Только на нашей улице их четыре: храм Трубы (это мы его так называем, а вообще-то он храм Афины Победоносной), храм Тихи-Счастья, маленький храмик Арга и храм Елены.

Храм Елены – самый лучший. Елена – золотая. Она очень красивая.

Папа сказал, что он знает богиню Елену. Что богиня Елена живет в городе Спарте. Что там она еще красивее, чем в храме.

Папа еще сказал, что дядя Капаней знает богиню Елену лучше, чем он. Совсем хорошо знает. Я как-то спросил дядю Капанея об этом, а он взял меня за ухо и велел сказать, кто мне об этом сообщил. Но я папу не выдал! А дядя Капаней почему-то покраснел. А потом извинился (за мое ухо) и сказал, что это все неправда, будто он знает ее, Елену, «совсем хорошо». Он богиню Елену просто знает. Он был в Спарте и молился ей. В храме.

За ухо я не обиделся, но так и не понял, отчего это дядя Капаней краснеет?

А еще у нас на улице есть Медный Дом. Его так называют, но это не дом, а подвал. Над ним раньше Палаты Данаи стояли. Я там не был. И папа не был. Говорят, там очень темно и страшно. В этом подвале родился ванакт Персей. Потом его в море бросили, а он Медузу Горгону убил.

Медуза тоже у нас похоронена. Только не на улице Глубокой, а за Лариссой, возле агоры. В городе очень-очень много могил. Я думал, что так и надо, но папа сказал, что могилы есть только в Аргосе. Во всех городах тех, кто умер, относят в некрополь, за стены. И в Микенах, и в Фивах, и в папином Калидоне. У нас тоже есть Поле Камней, но многих оставляют в городе. У нас даже есть могила, где лежат целых сорок человек сразу. То есть не человек, а голов. Ее так и называют – Сорокаголовая. Там лежат головы сыновей базилея Египта¹². А все остальное похоронено в Лерне, возле гидры.

Гидра живет в море. Некоторые говорят, что ее убил дядя Геракл, но у нас в городе все знают, что он убил маленькую гидру, а большая жива-здоровая, и ее все боятся. Полидор, сын дяди Гиппомедонта, ее сам видел. Говорит, страшная.

Вот бы ее убить!

А богов все-таки ругать не надо. Вдруг услышат?

* * *

– Ты, Тидид, меня извини! Я... Я не хотел тебя обидеть...

Амфилох не умер. Он даже болел не сильно. Просто полежал неделю – и встал. И теперь мы снова стоим на ступеньках храма Трубы. Но не деремся.

Миримся.

– Твой папа очень хороший. И смелый. И мама... Она очень хорошая была. Извини!

Я думал, что извиняться придется мне, но Амфилох решил сам извиниться. А Алкмеон почему-то не пришел. И никто больше не пришел – только Амфилох.

– Просто вы все закричали. Ты про кабана, Ферсандр – про спартов...

– Ну мы же дрались! – удивился я. – Так полагается!

– Ругать врагов тоже полагается, Диомед. Чтобы разозлить, из себя вывести. Вот я и... Но я не должен был так говорить, извини!

И вдруг я начинаю понимать, что Амфилох говорит со мной как со взрослым. Как с совсем взрослым. Я хочу сказать: «Да ладно!», но вдруг понимаю, что надо ответить иначе.

– Ты меня тоже извини, Амфиарид. Я... Я не хотел. И насчет пеласгов, и насчет... Я просто реку увидел.

– Знаю.

Амфилох морщится, поглаживает бок. Я тут же вспоминаю – у него же ребро сломано! Правда, не три – одно, но все же.

Мне немножечко стыдно. Ребра ломать нельзя. Ведь мы же не враги. Мы – родичи, дядя Амфиарай – брат дедушки Адраста. Двоюродный, но все же брат.

– Знаю. Мне отец объяснил. У тебя это, как у Геракла. И как у твоего отца.

– А что у них такое?

¹² Египт (Эгипт) – брат Данаи, дядя Персея.

Папа мне так и не объяснил. И дядя Полиник не объяснил.

Амфилох медлит, зачем-то оглядывается.

– А ты... А ты не обидешься?

Я задумываюсь, наконец качаю головой.

– Не обижусь. Ведь ты мне расскажешь, чтобы я знал, а не чтобы обижался.

Мы поднимаемся выше, садимся на неровные, теплые от солнца ступени. Амфилох не спешит.

– Понимаешь, Тидид, – наконец начинает он. – Человек... Он не виноват, если болен. А особенно, если болезнь послали боги.

Я киваю. Не виноват, конечно. Вот дядя Эмвел, брат дяди Эгиалея, так больным и родился. Но он очень хороший, его любят. Даже больше, чем дядю Капанея.

– Говорят, Геракла преследует Гера. Она насылает безумие. Ты слышал, Геракл ведь детей своих убил? И племянников...

– Врешь!

«Врешь!» – это я просто так. Почему-то я верю Амфилоху. Но как же такое может быть?

– А сейчас он, говорят, совсем из ума выжил. Никого не узнает, с даймонами разговаривает...

«Я его, Геракла, сфрассивал, когда он еще был... Ну, вы понимаете».

«Не сравнивай. Не дай Зевес, чтобы мальчик стал таким же!»

Вот о чем говорили папа и дядя Полиник!

– Но... Но мой папа... Он не такой. Не такой! Не такой!

Это все неправда. Папа не убивает детей!

– А ты знаешь, за что его изгнали из Калидона?

Любопытство щекочет ноздри. А действительно, за что? Плохие родичи напали на моего папу, он защищался...

А как же дедушка Ойней? Почему?

Нет, не хочу. Лучше сам у папы спрошу!

– Изгнали – и изгнали. – Я отворачиваюсь, смотрю в сторону. – Ну, ладно, Амфиарид, мир?

– Мир!

Жмем руки – тоже по-взрослому.

– А своим пеласгам... то есть скажи своим, что на нашу улицу они могут приходить, но пусть сначала спрашивают. И в бабки пусть у храма не играют! А драться будем по правилам. Как полагается.

– Драться? – Голос Амфилоха звучит как-то странно. – А вот насчет драться...

– Он сказал, что со мной драться больше никто не будет. Никто! Родители запретили. И дедушка Адраст запретил. Если драка, я должен стоять в стороне – как взрослый, а иначе будет не по правилам.

Сфенел не отвечает. Сопит.

Думает.

– Выходит, мы победили, а, Тидид?

Не хочется огорчать друга, но...

– Так теперь же вы двое будете против всех!

– Верно...

Безопасность нашей любимой улицы под угрозой. Если со мной не станут драться, Алкмеон приведет своих пеласгов...

– Правда, мы с Амфилохом ну... помирились. Он сказал, что драться будут теперь на равных. Вас двое – их двое. Кто кого побьет – тот и победил.

Капанид снова думает.

– А если он не придет? С Алкмеоном ты не мирился?

С ним я не мирился. Старший сын дяди Амфиарая не пожелал жать руку какой-то мелюзге. У-у, Губа Заячья! Ну, тогда...

– Тогда я все равно драться буду. Если Алкмеон придет. Или если пеласги толпой нападут. У них свои правила – у нас свои. Правильно?

Капанид ухмыляется, кивает. Военный план готов, да только он пока бесполезен. Вот уже неделя, как на нашу улицу чужаки не приходят. А если и приходят, то по одному. И в бабки не играют.

А когда нас видят – разрешения просят.

– Я вот чего подумал, Тидид, – внезапно изрекает Сфенел. – Ты Амфилоха побил – и вы с ним помирились. И даже подружились!

Я с уважением смотрю на друга. Странно, о таком я даже не подумал. А ведь действительно: побил – и подружились.

А если бы я Алкмеона побил?

* * *

– Хорошо. Расскажу...

Папа долго молчит, наконец качает головой.

– Думал, потом. Ну ладно. Тебе все равно расскажут... У меня такое с детства. Только вижу я не реку, а огонь. Если разозлюсь – себя не помню. Говорят, я очень храбрый...

– Ты храбрый! – перебиваю я. – Ты самый храбрый, папа!

Его рука ерошит мои волосы.

– Может быть. Но когда начинается бой, я вижу только огонь. Словно дерусь не я, а... Даже не знаю кто. Мне нельзя сердиться, нельзя ни с кем ссориться. Ты видел, в гимнасии мы боремся только с Капанеем. И на копьях, и на мечях. И просто так.

Да, действительно. По праздникам дедушка Адраст всегда устраивает агоны – соревнования. То за кубок, то за новую колесницу. А папа...

– Мы с Капанеем друзья, я не могу на него сердиться, понимаешь? Даже с Полиником... боюсь. А в Калидоне...

Сегодня папа согласился рассказать. Он не хотел, но я очень просил.

– У отца был двоюродный брат – Мелан. Он курет, из западной Этолии. Ты помнишь, я тебе говорил...

Это я помню. На папиной родине живут калидонцы и куреты. Одни на востоке, другие – на западе, в горах. Калидонцы еще ничего, а куреты – совсем дикие. В шкурах ходят.

Как волки.

– Мелан со своими сыновьями и братом Афареом хотели убить отца и захватить престол. Их было восемь человек, они напали на отца в храме Артемиды...

– И... И ты их убил?

Я замираю – от страха и одновременно восторга. Восемь человек! На одного моего папу!

– Убил, – в его голосе не слышно радости. И гордости не слышно. – Даже не помню, как это было. Плеснуло в глаза – все... А потом меня обвинили в нечестии. Будто бы в храме нельзя убивать.

– Но они же напали! – возмущаюсь я.

– Вот и я так думал, сынок. А получилось... Обвинил меня Алкатой, твой двоюродный дед, отцов брат. Теперь-то я понимаю – он тоже хотел править в Калидоне, наследовать отцу,

ведь я – единственный сын. Он был хитрый, понял, что со мной. Понял, что мне нельзя сердиться. Обвинил при всех, на совете. Назвал нечестивцем, оскорбил...

– И ты...

– Его охраняли пять человек, – отец качает головой. – Думал за спины спрятаться. Не спрятался... Ну а убийство родича прямо на совете... Меня никто не решился очистить от скверны. И до сих пор не решается.

Я знаю. Папу так и зовут – Тидей Нечестивец. Или Непрощенный. За глаза, конечно. Шепотом.

– Но ведь ты не виноват, папа!

Его рука вновь гладит меня по голове.

– Кто знает, Диомед, кто знает... Поэтому я ни с кем стараюсь не ссориться. И вина почти не пью. Говорят, это наказание богов. Не знаю...

– Боги плохие! – решаю я. – Они злые. Дядя Капаней прав – с ними нужно драться. Собраться вместе – и...

Папа не отвечает. Молчит, молчит, молчит. Мне даже становится страшно.

– Нет... Нельзя. Бойся богов, Диомед! Бойся!

* * *

Сегодня я впервые пошел в гимнасий.

Впервые – после болезни. И Капанид пошел. И Ферсандр. Сначала мы бегали, потом метали диск, а потом дрались копьями.

Папа говорит, что копьем не дерутся, а «работают». Но мы все равно дрались. На нас были полотняные панцири и тяжелые шлемы, поэтому можно бить со всей силы.

Но на этот раз я со всей силы не бью. Только по мишени. У мишени нет ребер. Поэтому Сфенел сегодня меня побеждает.

Днем, когда солнышко совсем пригрело, в гимнасий зашли папа, дядя Капаней и дядя Эгиалей. Дядя Эгиалей и папа спорили, что лучше: лук или копье. Дядя Эгиалей сказал, что лук лучше. Только тетиву надо тянуть не от груди, а от уха.

Он показал. Он попал. Дядя Эгиалей лучше всех стреляет. Говорят, он учился луку у бога Эрота. Я его спросил, а он сказал, что учился у Эрота, но не этому. А папа сказал «Гм-м».

Зато папа лучший на копьях. Его никто не может победить. И он меня учит! Я тоже буду лучшим.

А дядя Капаней говорит, что лучше всего не копье, а дубина. И смеется.

А потом мы снова бегали, а дяди и папа спорили о железе. Я так и не понял, почему. Из железа делают украшения. У тети Эрефилы есть железное кольцо. А у тети Эвадны – браслет.

Папа сказал: «Вот бы мне сотню парней в железе!» Зачем ему столько мальчиков с украшениями?

Потом мы обедали, и папа сказал, что после обеда я не буду больше бегать, а пойду вместе с дядей Эгиалеем к дяде Эвмелу. Я спросил, пойдут ли с нами Сфенел и Ферсандр, а папа сказал, что нет.

Я очень огорчился. Сегодня я не смогу победить Капанида на копьях. Он мой друг, но я не хочу, чтобы меня побеждали!

* * *

У дяди Эгиалея длинные ноги, поэтому он быстро ходит. Я так быстро не умею, а он смеется и говорит: «Догоняй!»

Я догоняю.

Сначала я догонял его у могилы Форонея (который огонь людям принес), но не догнал. Потом мы пошли к Критериону, где стоит большое каменное кресло. На это кресло иногда садится мой дедушка и судит разбойников.

Я спешил. Но все равно не догнал!

Тогда мы пошли к воротам Лариссы, где живет дедушка Адраст, но подниматься не стали, а свернули к Аполлону Волчьему. Там я почти догнал дядю, но он все равно меня опередил и первым пришел к голове Медузы.

Эта голова – настоящая. Саму Медузу у агоры похоронили, а голову тут на память оставили, когда злой Персей ее убил. Медуза была хорошая. Она охраняла Аргос, а Персей был разбойником. Это он потом ванаком стал. И все равно его изгнали. За Медузу. Медуза, между прочим, – моя прапрапрабабушка (три раза «пра»!).

Про Персея и Медузу у нас каждый мальчишка знает. А те, кто приезжает, думают наоборот и удивляются.

Папа говорит, что у Персея все дети – разбойники. И внуки. И даже правнуки. Один Геракл хороший. А дядя Амфиарай говорит, что и Геракл плохой. Что ему надо было в колыбели умереть.

Я сам слышал!

Возле головы Медузы я догнал дядю, но оказалось, что мы уже пришли. Пришли, так как дом, где живет дядя Эвмел, стоит совсем рядом.

Я это совсем забыл, потому что редко здесь бываю. Тут чужие мальчишки. Они злые и никого не пускают. Их много, с ними даже вдвоем не справиться. Поэтому я хожу сюда только на дни рождения дяди Эвмела. Сам он к нам не приходит – не любит выходить из дому.

Дядя Эвмел – очень старый, ему, наверное, сто лет. У него белые брови и совсем нет волос на голове. Некоторые мальчишки его боятся, но я знаю: дядя Эвмел очень добрый и хороший. Только больной.

Говорят, он таким и родился. Он – младший брат дяди Эгиалея. Только дяде Эгиалею двадцать пять лет, а дяде Эвмелу – сто.

Или сто двадцать.

– Ты мне его на обед привел, братишка? Давненько человечинки не пробовал!

Мне не страшно. Дядя Эвмел шутит. Он не ест людей. И мяса не ест. Только овощи – вареные.

Дом у дяди Эвмела очень большой. Даже не один дом, а два, сверху и снизу. Это называется «этажи». Раньше я бывал только в нижнем доме, а теперь мы сразу же поднялись в верхний. То есть не «в», а «на» – на этаж. Второй.

Поднялись – а там!..

– Ну, смотри, смотри!

Я стал смотреть. То есть вначале думал убежать, но потом мне стало стыдно. Я не должен убегать, даже если прямо за дверью сидит гидра.

Настоящая!

Одно хорошо – дохлая. И не вся, а только кости и кожа. И даже не кости, а что-то другое, но этого слова я не знаю.

Про кости мне потом дядя Эвмел рассказал. Когда гидру убили, с нее сняли шкуру, высушили и опилками набили. Это называется «чучело». А все равно – страшновато.

И если бы только гидра!

– Это маленькая гидра, Тидид. Гидреныш. Та, которую Геракл убил, была втрое больше. Но и она – не самая большая.

– Ты его не пугай! (Это дядя Эгиалей.)
– А я не боюсь! (Это я – очень громко.)
– А это зуб Кронова быка. Их уже нет – вымерли. Они до потопа жили. Большой зуб, правда? А это Сетов зверь из страны Кеми¹³. Не бойся, не кусается!
– А я не бо... Ой-й-й!
(Это я руку в пасть засунул. А там – зубы. И острые!)
– Хорош, а? А это...
«Этим» была заставлена вся горница. И на стенах висело, и на полу лежало. Кости, головы, щупальца сушеные, снова кости...
А гидра – все равно самая страшная!
– Дядя Эвмел, это ты гидру убил? Как дядя Геракл?
И что я такого смешного спросил?
– Ну, братишка, оставляю тебе этого юного героя. На съедение.
Дядя Эгиалей уходит, а я остаюсь. И мне не страшно. То есть почти не страшно. Интересно, зачем он меня сюда привел? Гидру показать?
– Ну пойдем, Тидид!
Оказывается, эта горница – первая. А за ней – вторая. Еще больше первой.
Я думал, у дяди Эвмела во второй горнице тоже кости, а там оказались не кости, а камни. И дерево. И не просто камни, а идолы. Некоторых я узнал сразу. И Зевса, и Аполлона, и Гекату (у нее три лица, даже в темноте не спутаешь). А еще там были камни круглые и камни с ровными краями.
На один такой камень я сел. А дядя Эвмел сел на треножник. У треножника тонкие ноги, но дядя Эвмел очень худой, поэтому он не упадет.
– Ну вот, герой. Мы с твоим папой поговорили, и он согласился. Будешь учиться. Утром – в гимнасий, а после обеда – сюда.
Такие слова следует обдумать. Я думаю.
Долго.
– Дядя Эвмел, я ведь и так учусь. В гимнасии. И еще меня папа дома учит. И дядя Капаней.
– Учатся разному, Диомед.
Я снова думаю. Мама говорила...
– А я еще значки знаю. Которыми пишут. Не все, правда... Хочешь, дядя, покажу?
– Хочу.
Табличка, кисточка... Вечно я краской мажусь!
– Это – «алеф», это – «бейт», это – «гимель». Правильно?
– Правильно, Тидид! А откуда они взялись?
Он снова улыбается – хитро. Думает, не знаю.
– Эти значки сидонские. Сидон – это город такой за морем. А страна называется Финикия. Там эти значки придумали, а мы их себе взяли. Чтобы писать. В Сидоне еще пурпур делают. Из лягушек.
Почему дядя уже не улыбается? Я что-то не то сказал?
– А ты действительно молодец, парень! Эгиалей был прав. Ну пойдем.
Оказывается, за второй горницей есть еще третья!

В третьей горнице – снова камни. Но другие. Гладкие, с рисунками и значками. И доски – тоже гладкие и тоже с рисунками. И свитки – один на другом.
Наверное, дядя каждый день письма получает!

¹³ Кеми (Черная Земля) – Египет.

– Знаешь, что это?

«Что это» на столе. Большое, из бронзы. Круглое.

Щит?

Я уже хотел сказать про щит, но не стал. Щит слишком большой. И неровный. На нем что-то нарисовано. Даже не нарисовано – из бронзы вылитое.

На щитах всякое рисуют. У моего папы на щите – звезды и луна. Папа называет луну Глаз Ночи. У дяди Капанея на щите – воин с факелом. А у дяди Полиника на щите богиня Афина и он сам. Его богиня за руку держит. Только у дяди Амфиарая на щите ничего нет. Черный – и все.

У меня тоже есть щит, но еще не настоящий – маленький. На нем кабан нарисован. Это папа так решил.

Только этот щит какой-то непонятный. Таких щитов не бывает! Может, это щит киклопа? Какой-нибудь киклоп потерял, пока нашу Лариссу строил?

Наклонился я, пальцами до бронзы дотронулся. Ага! Кажется, понял. Это вроде как гора, это – река.

А это – море. Вот и кораблик.

А это что? Тоже гора. И домик. А вот еще домик!

– Это наш мир, мальчик. Точнее, Номос.

Строфа-II

– А еще дядя Эвмел мне про богов рассказывать будет. И про героев. И про потоп расскажет. И про то, что до потопа было!

Сфенел морщится, хмурится...

(Точно как дядя Капаней! Только у Сфенела бороды нет, чтобы ее на пальцы накручивать. У дяди Капанея борода – черная. У папы тоже черная, но короткая. А у дяди Полиника – светлая, почти белая.)

– А папа говорит, что воину это все знать не надо. От такого жуки в голове заводятся.

Я осторожно трогаю голову – на всякий случай. В глубине души я почти согласен с Капанидом. Копье – понятно, и колесница – понятно. И как прятаться – тоже понятно. Без такого и вправду не повоюешь. А боги-герои, да еще значки для письма в придачу...

– Так папа решил, – вздыхаю я. – Значит, нужно.

Сфенел оглядывается (незачем – пуста наша Глубокая, никого, только взрослые), шепчет баском:

– А мой папа сказал, что тебя хотят царем сделать. Ну, басилеем¹⁴. Потому и к дяде Эвмелу послали. Папа тебя жалеет, говорит, что басилеем быть плохо.

Тут уж и спорить не приходится. Дедушка Адраст даже не басилей – ванакт, а значит, всем царям – царь. Поэтому из дому, из дворца то есть, почти не выходит – все на троне сидит.

Думает.

И еще царю одному ходить не положено. И самому колесницей править – тоже. И еще его все ругают. Скукота! Дядя Капаней умный. Его дядя тоже басилеем был, а он взял и отказался. И правильно сделал.

И я откажусь!

– А мы в гости уезжаем, – внезапно сообщает Сфенел. – В Лерну, к дяде Гиппомедонту. От зависти я не могу даже сказать «Ух ты!». Наконец вздыхаю...

– Ух ты! А когда?

– Послезавтра вроде.

Да, завидовать нехорошо. Тем более лучшему другу. И в особенности Капаниду. Это я понимаю, но...

Мне уже шесть лет, скоро совсем взрослым стану, а почти еще ничего не видел. В Тиринфе гостил однажды, в Трезенах – и все. Впрочем, в Трезенах не считается. Мне тогда всего два года было.

А все потому, что папа все время куда-то ездит. Ездит – а меня с собой не берет. Даже в Тиринф, хоть это и рядом совсем. А не берет он меня из-за кровников. Кровники – плохие, они могут зарезать из-за угла. Даже маленького мальчика. И девочку тоже.

На папу пять раз нападали, но он всех их убил!

– Ну, ты там это, Капанид, – я отворачиваюсь, делая вид, что смотрю на знакомую черепичную кровлю храма Трубы (старая черепица, под ногами лопается), – гидру увидишь, запомни какая. Хорошо?

Сфенел-то запомнит. А я?

* * *

– Ойнид, ну послушай меня! Хоть однажды в жизни послушай!

¹⁴ **Басилей** – обычно переводится как «царь». Правильнее – вождь, иногда – наместник. Может быть сравним со средневековым графом или герцогом.

На этот раз точно – не сон.

Мама!

Кричать нельзя, о маме никто не должен знать. В моей спальне никого, значит, она в большой горнице за дверью...

– ОНИ что-то задумали. Семья... Это все так похоже на выдумки моего отца. ЕГО – и этого негодяя Психопомпа. Не набегался еще в Гадес! Собрать побольше, а еще лучше – всех вместе. Собрать – и в ножи. А еще лучше – натравить друг на друга!

Странно, я опять не слышу папу. Нет, слышу, надо только ухо к двери прижать...

Ой как плохо подслушивать! Но я немножко, совсем немножечко.

– Так что же, мне всю жизнь сидеть на чужих харчах? Кем мальчик вырастет – сыном изгнанника?

– Лучше сыном изгнанника, чем сиротой. Ты ведь знаешь – я не всегда смогу его защитить. Особенно от МОИХ.

У мамы такой голос... О чем это она? Меня защищать не нужно, со мной даже Алкмеон драться не хочет!

– Ну, ты прямо как Амфиарай! Заладил Вещий-Зловещий: «Боги не велят! Боги не велят!» Да какое им дело до Фив? Мы же не совались на Флегры!¹⁵

– Ошибаешься, Ойнид, ошибаешься...

Ничего не понимаю! И не пытаюсь пока. Почему-то становится страшно. Словно я опять болен и вижу знакомого мальчика с мокрой повязкой на лбу.

– Уедем, Ойнид! Если хочешь – вообще из этого Номоса. Я уеду с тобой и с маленьким...

– Ты?!

Папа спрашивает так, что мне становится обидно. За маму.

– Ты думаешь, если я... – Ее голос становится тихим-тихим, еле слышным. – Если я... такая... Я никого не любила, Тидей! Никого – только тебя. Я уже похоронила одного сына, нашего – не хочу. Я понимаю, что я некрасивая, Ойнид, я грубая, со мной тебе скучно. Не спорь, я знаю...

Дальше подслушивать нельзя!

Нельзя!

* * *

Элек натис энки да
Нори люко тане фо.
Эгис ране зала те
Ону вадис карину.

Мама поет колыбельную. Колыбельную эту я помню с детства. Помню – хоть и не понимаю ни единого слова. Она – на мамином языке.

Адо элек токани
Зайни геро умифо.
Тойно гале арита
Велу рато тане фо.

¹⁵ На Флеграх была битва между богами и гигантами, в которой участвовал Геракл.

Раньше, когда я совсем маленький был, я под нее сразу засыпал. Тогда и мама приходила чаще. Теперь я засыпаю сам, сразу, особенно если набегаюсь, но...

Как хорошо, что мама рядом! И жаль, ни о чем ее не спросишь. Ведь я подслушивал. А подслушивать – плохо!

И все равно – мама самая красивая. И самая лучшая!

* * *

– Ну что, Диомед, собрался?

Я уже собрался. И собираться-то было нечего. Одежку – новый хитон и фарос – рабыни сами сложили, а все остальное...

Да зачем его брать – остальное?

– Ну, тогда пошли! И шляпу не забудь – от солнца.

Шляпа – широкополая, на самый нос налазит – и вправду нужна. Солнце горячее, наверное, там у себя наверху Гелиос весну с летом перепутал. Но это – ерунда, главное, мы едем!

В Лерну едем. Гидру смотреть.

Две повозки – одна с подарками, другая для слуг. И колесница – для папы. Я, конечно, должен ехать в повозке, но попрошусь к папе на колесницу. Хотя бы за городом. Ведь он обещал дать мне вожжи подержать!

– Отря-я-яд! Перебежками!... Первая линия – копыя вперед, вторая – подтянись! Луки-пращи-дротики!..

Это папа шутит. Значит – пора ехать. И еще значит, что у папы – очень хорошее настроение.

– Папа, а мы через Диркские ворота поедem?

– Через Диркские.

Через Диркские – это значит мимо провала Никострата, через который в Гадес попасть можно, мимо могилы Пеласга, того, что вначале изгнали, а потом обратно в Аргос пустили, мимо храма Деметры Печальной и храма Геры Анфии...

– А вожжи подержать дашь, папа?

– Вот за город выедем, подъедем к Ликон-горе, где храм Орфии...

Хейя-а-а!

Конечно, мы не за гидрой едем. Едем в гости. К дяде Гиппомедонту, тому, что в Лерне живет. То есть не в самой Лерне, а рядом, у моря. Так что зря я Капаниду завидовал. А едем потому, что дядя Гиппомедонт жертву должен принести в храме Афины Сантиды. Его дедушка этот храм построил и велел каждый год особые жертвы приносить. Вот дядя Гиппомедонт папу и позвал. И дядю Капанея позвал. И нас со Сфенелом.

Жалко только, он впервые об этой жертве вспомнил. Мог бы нас и в прошлом году пригласить. И в позапрошлом тоже!

Я называю дядю Гиппомедонта дядей, хотя он мне не дядя, а двоюродный дедушка, дедушке Адрасту брат – тоже двоюродный. Но он на дедушку не похож. Он еще не седой и не старый, поэтому он не дедушка, а дядя. А Полидор, его сын, мне вроде бы как брат. Троюродный. Иначе он мне дядей считаться должен, а какой Полидор дядя? Только на два года меня старше!

Правда, и дедушка Адраст еще не очень старый и не очень седой. У него только виски белые. Но он уж точно – дедушка.

А гидру я все равно посмотрю!

* * *

Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц...

Это не я, это колесница так стучит.

А когда камень под колесо попадет, то «бух-бух».

Колесницей править трудно. Даже если дорога ровная. А уж если под уклон... Правда, когда под уклон, папа сам вожжи берет.

– Спину ровнее, сынок. Ровнее! Не сжимайся – расслабься. И на дорогу смотри, на дорогу!

На дорогу смотреть трудно. И спину держать трудно. Вожжи тянут вперед, дергают, словно кони наши решили меня вниз скинуть...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц... Бух!)

– А теперь – чуть дерни. Вверх-вниз! Вот так! Видишь, сразу быстрее пошли!

Куда уж быстрее? Мы и так стрелой мчимся, словно нас из лука дяди Эгиалея выпустили. Посмотреть бы, где повозки, наверное, еще за Ликон-гору не повернули...

Нельзя! Вперед смотреть надо! А в глазах уже все мелькает, мелькает...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц...)

– Ну хватит! Меняемся. Ну что, сынок, тяжело?

Я только вздыхаю. Как это папа может целый день ехать? Да так, что кони устают, а он – нет?

– Папа, а это боевая колесница?

Папа смеется, треплет меня за волосы (а вожжи – в одной руке!).

– Нет, конечно. Обычная. Боевая – она тяжелая. Да и толку с нее мало.

– То есть как это? – поражаюсь я. – Воевать на колесницах надо!

Это я с детства знаю. Война – это когда царь (или лавагет, или, например, мой папа) садится на колесницу и едет искать врага. Враг тоже на колеснице, а вокруг – слуги с копьями. Они меж собой дерутся, а те, кто на колесницах, – между собой. На то и война.

– Колесницы – это древность, Диомед! Так еще до потопа сражались. Мы в Ахайе, честно говоря, и воевать-то толком не умеем. Да и что за войны? Там двух коров угнали, там амбар сожгли... Любой сотник из Баб-Или¹⁶ или Кеми разнесет всех наших героев – даже если мы объединимся...

Странно, кажется, папино хорошее настроение куда-то делось. Из-за чего? Из-за какого сотника из Баб-Или?

...А я знаю, где этот Баб-Или! Мне дядя Эвмел на щите медном показал. Там все дяди бороды колечками завивают. И Кеми показал – а я запомнил. С первого раза! У них там все боги – со звериными головами, страшные!

(Бух-бух-бух! Сразу три камня попались!)

– Ты думаешь, сынок, чем воевать надо? Копьем? Мечом?

– Или палицей, – подхватываю я, вспомнив дядю Капанея. – А еще – секирой, лабрисом...

(Лабрис – это топор такой, с двумя лезвиями. Критский. Я его тоже у дяди Эвмела видел. Даже в руках держал.)

– ...и еще луком, как дядя Эгиалей!

– Эх, ты! – Папина рука вновь ерошит мои волосы. – Головой воевать надо. Головой! Эх, если бы Адраст это понимал!..

Дедушка Адраст? А при чем здесь...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Бух-бух-бух-бух!)

¹⁶ **Баб-Или** (Врата Бога) – Вавилон.

– Ну и дорога! Я бы здешнему басилею уши отрезал! Может, сынок, в повозку пересядешь?

Я соплю в ответ. Я что – маленький? То есть маленький, конечно. И в повозке не так трясет...

– Нет, папа, я с тобой до самой Лерны доеду.

(Бух! Бух! Ай!)

– Ну давай! А может, еще ходу прибавим?

Хорошо, что папа шутит! А интересно, почему это он о войне заговорил? Папа не любит о войне разговаривать!

* * *

– Славную петь начинаю Сантиду-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокою, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион...

Жрец думает, что его слушают. А его никто не слушает. Даже разговаривают. И папа разговаривает, и дядя Гиппомедонт, и дядя Капаней, и дядя Полиник...

...Он тоже к дяде Гиппомедонту приехал. И Ферсандра привез. И не только он – дядя Мекистий тоже здесь. И Эвриал, его сын, тоже приехал.

Дядя Мекистий очень похож на дядю Эгиалея. Такой же длинноногий. А Эвриал – коричневый. Это он в маму. Его мама – коричневая. Ее из-за моря привезли.

Правда, папа говорит, что не «коричневая», а «смуглая». А по-моему, все равно – коричневая.

– Микены? С Эврисфеем лучше не разговаривать...

– Атрей, лис старый, не захочет...

– Через Кофрея. Он там фсем крутит, таром что глашатай!..

– ...Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных...

Интересно, Сантида не обидится? Наверное, нет, ведь жертву ей принесли, и еще какую! Быка, телку, трех баранов. И вина – пифос целый. До сих пор запах стоит.

...Дядя Мекистий тоже брат дедушки (не двоюродный – родной). И тоже не старый. А его сыну всего шесть лет. Как и мне. Только я не коричневый.

– Я поеду, Полиник. Не удастся через Кофрея, попытаюсь через Фиеста.

– Ты, Ойнид, острожнее. Фиест такая сволочь!

– Зато продажная!

– Тише, о богоравные басилей!

– Сам ты богоравный басилей!

– ...Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула наземь она из главы его вечной,
Острым копьём потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой

Заколебался великий Олимп, застонали ужасно...

А храм здесь тесный. Правда, и народу полно. Папа, дяди, их тети... Все приехали. Только мамы нет!

...Да еще мы – Капанид, Ферсандр, Эвриал, Полидор. Ну и я, конечно.

И еще жрецы. И слуги. И еще кто-то...

И все равно храм тесный! И стены давно не красили. И в потолке – дырка. И как только Сантида не обижается? Я бы обиделся!

– Партенопей согласен. Остается Амфиарай. Без него Адраст не решится.

– Трус этот Вещий!

– Тише, тише, Капаней! Он не трус, он просто ждет, пока Адраст к Гадесу...

– Эй, не поминайте! С Амфиараем, ребята, мы вот что сделаем...

– ...Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней...

Жаль, нам, маленьким, разговаривать нельзя! Ничего, с Полидором мы уже договорились. Пир начнется, по первой выпьют, флейтисток позовут, нас выгонят...

И Полидор нам гидру покажет!

Полидор очень толстый – как и дядя Гиппомедонт. Зато у него есть серебряный обруч. Он его в волосах носит. Такой обруч есть и у дедушки Адраста. Но не серебряный – золотой.

Потому что дедушка – ванакт!

– Тумаешь, она согласится?

– Эрифила? Да она за твое, Полиник, ожерелье сама ножки разведет. Каждому по очереди...

– Тише! Дети тут! Эрифила-то согласится, но нам же не ножки нужны. Ножки ее, хе-хе, как у сороконожки...

– Мекистий!

– Да ну вас, завели! Ладно, так и сделаем. Как говорит в Аиде мой прадедушка Тантал: «Попытка – не пытка».

– Эй, богоравные, давайте-ка споем! Зря, что ли, жертву приносили? Сейчас, когда он про «радуйся» начнет.

– Капаней, пасть на ширину колчана!

– И-и-и раз!

– Р-р-радуйся мно-о-ого, о до-о-очерь эгидодержавного Зевса-а-а-а!!!

Ой, мои уши! Сейчас оглохну. И жрец оглохнет. И тети оглохнут!

– Ныне ж те-е-ебя помяну-у-ув, к тр-р-ра-а-а-апезе мы-ы-ы пр-р-риста-а-а-а-аем!!!

Ну вот, и жрец не выдержал – за голову схватился. А крыша? Не развалилась? Не иначе, сама Сантида поддержала!

Смеются – все смеются. Мой папа, дядя Капаней (ух, покраснелся!), дядя Полинник, дядя Мекистый... И мы смеемся. И даже жрец.

А может, мой папа – еще маленький? И остальные – тоже?
Ну ладно. Пора и к трапезе (к тр-р-ра-а-а-пезе!!!) приступать.
Проголодался!

* * *

Флейтисток не звали и не пили даже.

Зато нас выгнали – почти сразу. Вот только барана доели. У дяди Гиппомедонта самые толстые бараны в Ахайе. И сам он самый толстый.

(Это я шучу. Дядя Гиппомедонт – хороший.)

В общем, выгнали. Выгнали – и даже двери заперли. И всех тетя выгнали. То есть не выгнали – их тетя Клея, дядина жена, ковры смотреть пригласила.

И хорошо. А мы пошли гидру искать!

Дом дяди Гиппомедонта на холме стоит. Почти рядом с храмом Сантиды. С холма даже море видно. Море – направо, а прямо – болото. Алкиония называется. Вот мы туда и пошли.

Про Алкионию нам Полидор рассказал. Он тут все знает. И я бы знал, если б вырос здесь. А интересно! Если к морю идти – прямо на могилу попадешь. Безголовую. Там сыновья басилея Египта лежат – те, чьи головы у нас в Аргосе похоронены. Стоило так далеко головы везти! А еще тут рек много – и Фрикс, и Понтин, и... В общем, еще две, я их и не запомнил. Правда, мелкие все. Как ручейки.

Полидор сказал, что надо поспешить, потому что скоро стемнеет. Сказал – а сам спешить не может. Толстый потому что. И щеки у него большие. Большие – и шевелятся. За обедом, наверное, не докушал.

С холма идти легко. Даже если не по тропинке. А за холмом лес. Правда, Полидор сказал, что это не лес, а роща. И растут там платаны. Священные. И в этой роще громко разговаривать нельзя. Мы и не разговаривали. Мы просто шли. А потом нас Полидор на полянку вывел. На полянке тоже платан – один. Очень-очень высокий. А за поляной – дырка в земле.

Темная.

Мы хотели дальше пойти, но Полидор сказал, что мы должны тут остановиться. Потому что это не просто платан, а Тот Самый.

Тот Самый!

Под этим платаном дядя Геракл...

Ух ты-ы-ы!

Долго мы платан этот смотрели. Оказывается, под ним гидра лежала, а дядя Геракл с дядей Ификлом и Иолаем-племянником подкрались... А гидра в пещеру убежала.

А они за ней!

Мы и в пещеру слазили, но тут же обратно вылезли. Темно! И гидры там давно нет. Ее дядя Геракл убил.

Пока мы платан и пещеру смотрели, солнце уже вниз пошло. За холмы. И Полидор сказал, что нам поспешить нужно. Потому что тут живых гидр нет, они только в болоте живут. В Алкионии.

Алкиония – за лесом. Тут, оказывается, два болота есть. Алкиония – Дионисово болото. Он, Дионис, через него в Гадес спускается. Там какой-то «дромос» есть. А еще дальше за Зимним ручьем (Хеймарром – по-здешнему) – Аидово болото. Там тоже «дромос», но уже самого Аида-Гадеса Подземного. Полидор сказал, что туда лучше не ходить. Особенно вечером.

Что ходить не надо – это понятно. А вот «дромос»...

(Полидор признался, что про «дромос» ему папа рассказал. Рассказал – и велел никому не передавать. Это – тайна.)

Мы с Капанидом ничего не сказали, но подумали. Если бы нам папы молчать велели, мы ни за что бы не проболтались. А Эвриал сказал, что «дромос» – это вход в гробницу. Он такое в Микенах видел. И у нас в Аргосе тоже. Когда его тетю хоронили.

Ну, тогда все понятно! Гадес – это гробница и есть. Для всех сразу. И нам сразу же дальше идти расхотелось.

Но – пошли!

– Только тихо! Пригнитесь!

Это – Полидор. Приказы отдает.

– Дальше не ходите – ноги промочите. Все! Ждем!

«Дальше» – это уже в болото. Мы на краю. Здесь мокро, под сандалиями чавкает. И воняет – в смысле, плохо пахнет.

– А когда?..

(Это Эвриал – который коричневый.)

– Тихо, говорю! Скоро. Сейчас!

И действительно...

– Ой! (Ферсандр, кажется. А может, и Эвриал.)

– Где?! (Это мы все.)

– Тихо! Да вот же! Гидра!

Гидра?! Маленькая черная змейка... А вот и еще одна! И еще!

– Это что – гидра?

– Вот мелюзга глупая! Конечно, гидра! Они все такие.

Мы так огорчены, что даже не обижаемся на «мелюзгу». И это – гидры? Да это же просто змеи, у нас их возле Аргоса в каждом болоте навалом! Мелюзга, в общем.

Да как же так?

Смотреть дальше не захотелось. Тогда Полидор сказал, что пора назад идти. Мы и пошли.

Только сначала Полидор отдышался – он ведь толстый. Отдышался – и рассказал, что гидры тут, в Алкионии, водятся.

Маленькие.

Оказывается, гидры – почти как змеи. Только змеи расти не умеют. А гидры умеют. Но они не всегда растут, а только если в море попадают. А в море они попадают, когда сильные дожди бывают и болото разливается – до речки Фрикс. А речка в море впадает. Какие гидры до моря доплывают, те и растут.

А та гидра, что дядя Геракл убил, из моря выползла. Она по ночам ползала и овец кушала. И коз, и людей – кого встретит. Вот дядя Геракл ее и убил.

Значит, большие гидры все-таки есть?

Полидор сказал, что есть. В море. Если по берегу Фрикса идти, то как раз к морю выйдешь. А там – скала, на конскую голову похожая. Вот к той скале гидры и выплывают. Ночью. Иногда.

Они-то выплывают, но мы туда не пойдем. А не пойдем, потому что поздно. Поздно – и дядя Гиппомедонт запрещает. И вообще, к той скале ночью ходить нельзя.

И днем – тоже.

* * *

Тихо. Темно. За дверями – тоже тихо...

– Ну чего, Капанид, сбегает?

Молчит, сопит.

Думает.

– Угу...

Это здесь тихо, а в зале до сих пор пируют. Но пируют как-то не так. И вина туда не несут, и флейтисток нет... И дядя Капаней не поет. Если бы пел – слышно было бы. До самой Лерны слышно!

– А тебе страшно?

Ну, как на такое отвечать, всем понятно!

– Да ни капельки!

– А Ферсандра возьмем?

Тут уж думать приходится вдвоем. Ферсандр – друг, но без папиного (в смысле, дяди Полиника) разрешения он и шагу не сделает.

– А мы... Мы только посмотрим. А если чего увидим – и его позовем.

– А дорогу ты помнишь?

Дорогу-то и я помню – вниз с холма, через священную рощу (это где платан Гидры) – а там вдоль берега Фрикса. До моря. Но странное дело, мне что-то не хочется идти. Живот, что ли, заболел?

– Ну пошли, Тидид?

Ой, заболел. Бурчит! Но... Делать нечего – сам напросился.

– Пошли!

В сенях – темно. И во дворе темно. У сарая...

– Тихо!..

У сарая кто-то охает. И ахает. В два голоса.

– Гы! (Это, понятно, Сфенел.)

Я тоже понимаю, что «гы». Наверное, рабыня с каким-нибудь пастухом. Видел я такое! Наши рабыни тоже...

Фу, противно! И еще попы голые!

Ворота открыты, тропинка сама стелется под ноги...

– Побежали!

Ветер в ушах – прохладный, пахнувший близким морем. Бежать легко, тропинка ведет вниз, под гору, луна уже взошла...

Хорошо!

Вниз, вниз, мимо вековых платанов, мимо полуразрушенных алтарей, где уже давно не приносят жертвы, мимо темной пещеры, мимо старых уродливых камней, которые кто-то вкопал прямо в землю...

Дальше, дальше!

Бежать легко, мы оба хорошо бегаем, только ветер свистит, только Селена-луна с небес смотрит...

...Почему мне вдруг кажется, что лучше уже не будет? Что добрые боги послали эту ночь...

Странная мысль уносится ночным ветром – прочь, прочь, прочь. Все хорошо, все отлично, а дальше будет еще лучше...

Вниз, вниз, вниз...

* * *

Скала и вправду походила на коня. Огромного, с большой тяжелой гривой. И сам конь – огромный. Стоит себе на дне, только голову из моря выставил.

А на море – огоньки.

Всюду – на волнах, на мокрых камешках и даже в глубине, где зеленые nereиды живут...

Ух ты!

То есть это потом «ух ты», а вначале даже страшно стало. Моря-то я почти не видел. Зато слышал! В море опасно. Там живет страшный Поседайон, он еще и землю трясет, и в коня обращается... А скала-то – голова конская. Вот сейчас ка-а-ак двинется, ка-а-ак заржет! Ой, лучше не думать! А то меня Капанид за труса примет!

– Сели?

– Сели!

Ждем.

Ждем – а огоньков все больше, светятся, дрожат...

– А чего они флейтисток не позвали?

(Это я так, чтобы не молчать.)

Сопит Сфенел. Думает.

– Это потому, что мамы наши тут. То есть не наши... Ты, Тидид, извини...

Жаль, что я не могу рассказать Капаниду о маме. Он считает, что моя мама на Каменном Поле. Но я ему обязательно расскажу! Когда мама разрешит.

– И не потому, – возражаю я. – Помнишь, день рождения дяди Полиника был? Тогда все пришли, но флейтисток все равно позвали. Только их к столам не подпускали. И танцовщиц тоже позвали...

А на море – волны. И огоньки, огоньки...

...И черный конь. Вот сейчас заржет, подпрыгнет, ударит копытами прямо по белым барашкам, по огонькам!..

– А я знаю, почему, – вдруг заявляет Сфенел. – Они о войне говорят. Война будет, Тидид!

Да, будет. Я хоть и маленький еще, а понял. Недаром папа о войне заговорил!

– Они с Фивами воевать хотят. Чтобы дядя Полиник басилеем стал. А потом – с Калидоном. Чтобы твой дедушка твоего папу простил.

Почему мне вдруг не хочется, чтобы папа шел на войну? И чтобы дядя Капаней шел? И все остальные? Ведь война – это победа, это добыча, это – слава! А мой папа – самый сильный!

– Смотри!

Все забыто. Гидра! Перед самой скалой! Темная, горбатая, толстая...

– Да это же лодка! Рыбаки!

Фу ты!

Действительно лодка. Даже голоса слышны. Плеснули по воде весла (а на них – тоже огоньки!), и снова – тихо. Только волны.

– А кого на войну возьмут?

Нас – не возьмут, это понятно. А дядю Эгиалея? А Алкмеона? Ведь у него губа заячья! Капанид снова начинает сопеть. Молчит.

– Мама плачет, – наконец вздыхает он. – А папа то кричит на нее, то целует. Мама говорит, что боится. Что ей сны плохие снятся.

Хочу сказать что-то ободряющее – и не могу. Моя мама...

«Лучше сыном изгнанника, чем сиротой...»

– Они победят! – говорю я упрямо. – Они всех побьют! Правда, Капанид?

– Угу...

Не нравится мне это его «угу». Ну никак не нравится!

– А дядя Амфиарай... – вновь начинает Сфенел.

– Тихо!

Это я. Шепчу. Шепчу потому, что темное...

...Гибкое, узкое, длинное! Прямо под самой скалой. И луна блестит. Прямо на этом самом!

– Видишь?

– Вижу!

А это самое уже не под скалой – плывет прямо к берегу. Быстро, бесшумно. По гребням волн, между огоньков...

– Сюда! Сюда плывет!

Ответить я не решаюсь. Это самое совсем близко. Уже и кожу разглядеть можно – гладкая, словно липкая. И плавник. То есть не плавник, а вроде как гребень...

– А вдруг она на берег...

– Да тише ты! Услышит!

Почему-то вдруг вспоминается, что наш храм, храм Трубы, назван в честь трубы, которая поход играет. И наступление, и если назад бежать надо (быстро-быстро!), тоже играет...

А вдруг это не гидра? Может, просто рыба такая? Вроде угря?

Плеск. Что-то тяжелое падает на песок. Нет, не падает! Прыгает! Прыгает, бьет тугими кольцами...

– Мама-а-а-а!

Только на миг я увидел? Или не увидел? Почудилось?

...Пасть – огромная, зубастая, с клочьями тины между клыков. И не только тины! Глаза...

– Ма-а-ама-а-а-а-а!

Орем оба – ни о чем не думая, ничего не соображая. А страшная голова – громадная, как конь, как целый бык, – уже совсем рядом, упругие кольца скребут по песку...

– Ходу! Ходу-у-у!

...Песок на зубах. Хорошо, что Сфенел подхватил, рывком поставил на ноги... Сильный он! Почти как дядя Капаней. Почти как мой папа!

...А сзади – шипение. Или это ветер в ушах?

Почему так трудно бежать? Нога? Да, кажется, лодыжка. Ничего, добегу! Наверное, уже можно остановиться, передохнуть...

А вдруг ОНА все еще сзади? Все еще ползет?

А вдали – или тоже чудится? – конское ржание. И будто бы – топот копыт...

Мы никому не расскажем! Даже папе, даже дяде Капанею. Даже Ферсандру. Мы лучше сначала вырастем, станем сильными, как наши папы, и гидру убьем. Убьем – а потом все расскажем. Все-все! Но про коня я рассказывать не буду, даже когда вырасту. Потому что бог Поседайон может обидеться. А богов надо бояться.

Так папа сказал!

А когда мы вернулись домой, началась война.

Антистрофа-II

Папа говорил, что, когда война близко, из Тартара вылезает злая Кера. Она не богиня, она хуже. Кера всюду летает и всех ссорит, чтобы дрались лучше. А затем с Олимпа идет Арей.

Вот тогда все драться и начинают!

Керу я не видел. Наверное, она летала, пока мы из Лерны возвращались. Зато уехал папа. Он не сказал, куда, но Капанид узнал от своего папы, что он уехал в Микены, к ванахту Эврисфею. Он попросит большое войско. А чем больше войско, тем лучше.

И еще папа велел мне переселиться к Сфенелу. Это тетя Эвадна предложила, Сфенелова мама. Она говорит, что ребенка и покормить некому. Ребенок – это я. То есть я уже не ребенок, но тетя Эвадна так думает. Она очень добрая, но у нее глаза больные. С тех пор, как война началась.

А дядя Капаней смеяться перестал. Он домой поздно приходит, потому что войско гонять надо. И не просто гонять, а как Дионисовых козлов. Это дядя Капаней так сказал.

И еще у нас на улице плачут. И на соседней плачут. И не маленькие, а взрослые тети.

Мне тоже почему-то хочется плакать. Но я не плачу.

В доме дяди Капанея много интересного. Дядя Капаней прапраправнук (на самом деле там «пра» еще больше, но я не запомнил) царя Анаксагора. А царь Анаксагор правил Аргосом сразу же после потопа. И Микенами правил. И Коринфом. Поэтому у дяди Капанея на стене висит большой щит – потрескавшийся, старый. И еще – жезл из золота. Но жезл не висит на стене, а лежит возле алтаря.

А тетя Эвадна сказала, что лучше бы все это сквозь землю провалилось. Прямо в Гадес.

* * *

Дядю Эгиалея не берут на войну. Он это сам сказал, когда в гости зашел. Дядя Эгиалей будет городом править вместо дедушки Адраста. Потому что дедушка Адраст сам войско возглавит.

Дядя Эгиалей грустный. Это потому, что его на войну не берут. И еще он говорит, что пусть лучше войско ведет один козел, чем десять львов. Дядя, наверное, шутит, но почему-то не улыбается.

А дядя Капаней сказал, что папа скоро вернется. Что папе ванахт Эврисфей обещал большое войско. Папа – молодец!

А мамы все нет. Мне без нее очень скучно.

* * *

– Уже начали?

– Нет, они дядю Амфиарая ждут...

Сфенел хмурится, морщит лоб. Прямо как дядя Капаней. Это значит, что он волнуется. Я лоб не морщу, но тоже волнуюсь.

– Без него начинать нельзя, он – лавагет. Вот они и ждут...

Они – это наши папы. Дядя Капаней, дядя Полиник, дядя Гиппомедонт, дядя Мекистий. И дядя Патренопей, который в Тиринфе живет. Его я в первый раз вижу, потому что он в Аргос редко приезжает. А вот сегодня приехал. И еще тут Этеокл. Это – не брат дяди Полиника, это его родич. Он из Беотии на большой колеснице прикатил.

И дедушка Адраст здесь. На нем сегодня красный фарос. То есть не красный, а пурпурный. И еще золотой венец.

И на папе тоже – венец, но серебряный. Я даже не знал, что у папы такой есть. Папа сказал, что это венец из Калидона. Папа – сын дедушки Ойнея, а значит – калидонский наследник. Хотя дедушка Ойней его и не любит.

Наши папы впереди. Мы – сзади. Тут все, даже Алкмеон с Амфилохом, даже близнецы дяди Полиника. Они маленькие, хотят спать, но их не отпускают.

Потому что сегодня будет клятва.

Тут мы не бываем. Это не наша улица. Здесь – пеласги.

«Здесь» – это у жертвенника Дождевик.

Это мы его так зовем, а на самом деле его называют не Дождевик, а Зевс Листий. Этот жертвенник – особый. Если на нем что-то попросить, то Зевс обязательно услышит. Или поклясться – он тоже услышит.

Папа приехал сегодня утром, но даже к дяде Капанею не зашел, а сразу поехал в Лариссу к дедушке. А потом вернулся, поцеловал меня и пошел говорить с дядей Капанеем.

А вечером мы все пошли клясться.

Мы молчим. И все молчат. Уже темно, поэтому принесли факелы. У дедушки Адраста темное лицо. Наверное, это из-за факелов. А может, не из-за факелов, а из-за дяди Амфиарая.

Ферсандр рассказал, что дядя Амфиарай очень громко ругался. Он не хочет воевать. Он всех пугает богами. Но дядя Полиник сказал, что дядя Амфиарай все равно приедет.

Дядя Полиник улыбается. Это потому, что он скоро дома будет. Ему войско ворота откроет, и он снова в Фивах сможет жить.

Только почему-то никто больше не улыбается.

Мы все ждем, уже темно, Адраст (не дедушка, а сын дяди Полиника) плачет – домой хочет. А его братик спит. Я тоже хочу спать, но я уже большой, и я потерплю.

– Слышите? (Это Эвриал, который коричневый.) Колесница!

– Ага! (Это мы все – вразнобой.)

Колесница – это дядя Амфиарай едет. Значит, сейчас начнут. Мне очень интересно, и всем интересно.

А тетя Эвадна почему-то плачет.

На дяде Амфиарае – черный плащ. У дяди Амфиарая – черное лицо. Из-за факелов, наверное.

И еще он никому не говорит: «Радуйся!» Даже дедушке Адрасту.

А вот уже и огонь горит! Дрова сухие, дождей давно не было...

...Хотя Зевс и Дождевик!

Станный огонь – какой-то темный, как лицо дяди Амфиарая, как этот вечер. Темный, низкий, холодный. То есть это мне кажется, что он холодный, потому что мне почему-то холодно. И Капаниду тоже холодно – иначе бы зубами не стучал.

– Мечи!

Это дедушка Адраст. Сейчас они вынут мечи...

Вынули.

Все сразу – красиво!

А пламя горит, оно все выше – и все темнее. Или это вокруг темнеет? Надо спросить у Сфенела, но сейчас нельзя, сейчас будет клятва...

Начали!

– Я, Адраст, сын Талая...

– Я, Амфиарай, сын Оикла...

- Я, Гиппомедонт, сын Сфера...
- Я, Тидей, сын Энея...

Папа волнуется, потому и говорит «Энея», а не «Ойнея». Это он по-этолийски.

- Я, Мекистий, сын Талая...
- Я, Партенопей, сын Талая...
- Я, Этеокл, сын Пройта...

Я знаю, о чем они будут клясться. Они будут клясться, что вернут дядю Полиника домой в Фивы. Вернут – или погибнут. Но они не погибнут. Ведь там же папа, а папа – самый сильный, самый смелый! И дядя Капаней сильный! И все остальные.

Но почему мне все кажется, что огонь на жертвеннике темный? Нет, он уже черный! Черный, ледяной...

– На этом камне, пред ликом владыки нашего Зевса Величайшего, Повелителя Ясного Неба, царя богов и царя мира, мы, Семеро, клянемся честью, кровью и жизнью своей...

Почему мне так холодно? Почему?..

* * *

– Это ловушка, Ойнид! Теперь я точно знаю. Это все отец. Он, Психопомп и Тюрайос!¹⁷ Моя Семья... Семейка... Они даже название придумали – «Гекатомба»¹⁸. Понимаешь? Отец говорит, что, если получится сейчас, в следующий раз он соберет всех – чтобы никто не ушел... Не ходи с ними, Тидей! Не ходи! Даже я тебе помочь не смогу. Понимаешь, даже я!

Мне опять снится мама. Но сегодня – очень плохой сон. Плохой – и страшный. Мама плачет. Мама кричит. А ведь мама никогда не кричит!

Поэтому сон – очень плохой.

– Я могу всех убить, Ойнид! Всех! Думаешь, только у отца есть молнии? Я могу сделать так, что от Фив останется черная плешь. Черная, блестящая... Но я никого не смогу спасти. Даже тебя. И никто не сможет! Понимаешь?

Если бы я мог, я закричал. Если бы я мог, я бросился бы к маме. Мама не должна плакать! Почему папа не делает так, чтобы мама не плакала?

Хорошо, что это – сон!

* * *

Мне больно. Тетя Эвадна слишком сильно сжимает мою руку. Сфенелу тоже больно, он морщится, но молчит. И я молчу.

Тетя Эвадна волнуется. Она очень сильно волнуется, потому и руки нам сильно жмет. Они уходят.

Дедушка Адраст уже за городом, и дядя Полиник уже за городом, и колесницы. Много колесниц! А сейчас уедет папа. И дядя Капаней уедет.

¹⁷ Тюрайос – Аполлон.

¹⁸ Гекатомба – жертва ста голов, обычно имелось в виду – скота.

И все уедут.

Мы стоим у дверей и смотрим на улицу. Когда появятся их колесницы, мы сразу увидим. Они должны из-за угла выехать, там, где храм Золотой Елены – той, которую дядя Капаней хорошо знает.

На тете Эвадне – яркое покрывало. Она говорит, что яркий цвет отпугивает Керу. Примета такая.

Мы ждем. Сейчас они заедут сказать «до свидания». Папа хочет, чтобы мы не ходили за город. Это – тоже примета.

Вот колесница... Две... Три...

А почему три?

Ага, в первой – дядя Капаней, у него на щите – воин с факелом, во второй – папа (с Глазом Ночи на щите)...

...Да я их издали без щитов узнаю! Папа ниже, зато в плечах очень широкий. И еще на папе шлем – с тремя гребнями и с дырками для глаз. А дядя Капаней высокий и чуть-чуть сутулится...

А в третьей колеснице... Черный щит, четырехугольный, как башня... Дядя Амфиарай? Вещий!

– Мама, а почему?..

Сфенел тоже удивляется, но тетя Эвадна только качает головой – отвечать не хочет. Сегодня она очень красивая! Только глаза больные.

Первая колесница остановилась, вторая...

– Давайте, только скорее!

Это дядя Амфиарай. У него недовольный голос. Дядя Амфиарай не хочет идти на войну. Он всем говорит, что Зевс плохой и не даст нам победу. Это потому, что дядя Зевса не любит! Но на войну пойдет – его тетя Эрифила заставила.

(Про тетю Эрифилу мне Ферсандр сказал. А ему – его папа.)

Тетя Эвадна отпускает мою руку. Но я стою на месте. Жду. Бежать к папе нельзя, потому что он с дядей Амфиараем. А при нем я должен вести себя как взрослый.

– Веди их сюда!

Это опять дядя Амфиарай. Он хмурится и трет рукой бороду. Мне... страшно?

Ну, не то чтобы страшно...

Дядя Капаней берет нас со Сфенелом за руки, ведет к дяде Амфиараю. Сейчас нужно сказать «радуйся»...

Папа стоит в сторонке. Я знаю почему: его дядя Амфиарай не любит.

Меня подводят к дяде. Я уже хочу поздороваться...

– Не первый. Второй!

Я так и не успеваю сказать «радуйся». Наверное, первым должен поздороваться Капанид. Капанид – первым, а я – вторым. А вот и он...

– Тяжело будет – сыну отдай!

Кому это он? Дяде Капанею? Нет, Сфенелу. Но почему?..

И вдруг я понимаю. Дядя Амфиарай – Вещий. Он слышит, как боги разговаривают. И он знает, что с кем будет.

– А Диомед?

Это дядя Капаней. Ну, конечно, Сфенелу уже сказали. А мне?..

Дядя Амфиарай не отвечает. Даже не смотрит. Он идет к колеснице.

Дядя Капаней недоволен. Он, кажется, не очень верит дяде Амфиараю.

– Ну ты слыхал, Ойнид? Пифия, понимаешь! Ты, Сфенел, его не слушай. Тяжело будет – сам тащи!

Капанид кивает. И я киваю. Киваю – потому что согласен.

А все-таки жаль, что мне ничего не сказали!

А вот и папа.

– Ну, мальчики!..

От папиной бороды пахнет пылью. И немножечко – благовониями. Это он с утра ванну принимал.

Я хватаю папу за шею, хватаю крепко, прижимаюсь лицом... Только бы не заплакать! Мне нельзя плакать, я уже почти взрослый!

* * *

Крон – это бог такой. Мне про него дядя Эвмел рассказал. Дядя Эвмел все про богов знает. И про зверей. И про все другое тоже знает.

Я теперь у него каждый день бываю – как папа уехал. Даже вечером. Потому что мне не хочется домой возвращаться. Дома пусто, только служанки. Они грустные, иногда даже плачут. И к Сфенелу идти не хочется. Там тетя Эвадна. Она стала совсем больная. Сфенел все время около нее сидит.

А дядя Эвмел мне про богов рассказывает. Так вот, Крон был Зевсу папа. А потом он Зевса съест хотел, а Зевс его в Тартаре запер.

(Правда, дядя Эвмел говорит, что это не совсем так. А как – он мне расскажет. Но потом. Когда я вырасту.)

А Крон хоть и в Тартаре, но все равно – самый главный. Самый главный, потому что он – Время. А Времени все подвластны. Захочет Крон – время быстро пойдет. Захочет – медленно. И боги ничего сделать не могут. Даже Зевс!

А я все понять не могу, быстро сейчас время идет или медленно. Когда быстро, а когда и ползет. Как улитка! Война уже целый месяц идет, а все кажется, что папа только вчера уехал!

...А когда гонец долго не приезжает, время вообще останавливается. Мы с Капанидом возле Микенских ворот сидим – ждем. Если его мама отпускает. А если нет, я один сижу.

Папа молодец! Он уже совершил много подвигов. Он подвиги каждый день совершает – как Геракл! Он в Фивы один пошел – требовать, чтобы басылей Этеокл дядю Полиника в город пустил. А басылей Этеокл не стал папу слушать и велел своим воинам его на поединок вызвать.

А папа их всех победил!

А потом на него фиванцы напали – когда он в лагерь дедушки Адраста возвращался. А он их снова победил! Теперь войско дедушки Адраста эти Фивы со всех сторон осадило, а папа со своими воинами стоит возле каких-то Пройтидских ворот. Я спросил у Ферсандра, что это за ворота, но он не знает.

А ванакт Эврисфей, к которому папа ездил, моего папу обманул. Обещал войско – и не дал. Говорят, ему Зевс запретил. А дядя Эгиалей говорит: «Чего еще ждать от этой сволочи?» Это он, конечно, про ванакта Эврисфея, а не про Зевса.

Ну ничего! Папа и без Эврисфея справится. Папа самый сильный. И самый смелый! Только бы Крон сделал так, чтобы время быстрее пошло. Чтобы папа домой вернулся.

И чтобы все вернулись!

* * *

Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною,
С веточкой зеленой.

Грудка ее белая,
Спинка ее черная...

Это тетя Эвадна поет. Она очень красиво поет. Но сегодня она какая-то совсем больная. Даже не слышит, когда мы с Капанидом ее о чем-то спрашиваем.

Что ж ты ягод не даешь
Из дому богатого?
Дашь ли в чашке ей вина,
Сыру ли на блюдечке?
И от каши ласточка
Тоже не откажется...

Эту песню я знаю. Ее девчонки поют – весной, когда ласточки прилетают. Наверное, тетя Эвадна тоже когда-то пела, а сегодня вдруг вспомнила.
Хотя уже не весна, а лето!

Открой, открой дверцу
Ласточке, ласточке,
Тебя просят девочки,
Маленькие девочки...

А Сфенел сказал, что ему за дядю Капанея страшно. Я ему ответил, что бояться не надо, что скоро наши папы всех победят, а он вдруг заплакал. Я даже испугался. Мой друг Капанид никогда не плачет! Даже если его побьют!

* * *

Мама гладит меня по щеке, мама меня целует...

Мама! Мама!!!

Теперь уже не снится! Теперь мама и вправду здесь!

– Мама! Мамочка! Я... Тут столько случилось! Я... Я тебе рассказать должен...

Почему мама не отвечает? Почему она молчит?

– Мама!

Мама меня снова целует... Почему у нее такие холодные губы? Холодные, мокрые...

– Мамочка! Что? Что слу...

И вдруг я понимаю – что.

Понимаю сразу, хотя мама молчит. Молчит, ничего не говорит. И от этого молчания мне еще страшнее, мне хочется кричать, хочется убежать из темной горницы, убежать от того страшного...

Но я уже знаю – убежать нельзя. Потому что маме плохо. Потому что Я ПОНЯЛ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ.

Эпод

И снова горит огонь. Но уже не у Дождевика. И не в городе – просто в поле. Зато там было сухо, а здесь идет дождь. Правда, маленький. Капает только.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Мы ехали сюда две недели. Сюда – это в Элевсин. Мы приехали, чтобы похоронить папу.

Папа сейчас там, на костре, под красным покрывалом. Мне на него смотреть нельзя, потому что папа давно умер, а на тех, кто давно умер, смотреть не полагается.

Боги запрещают. Особенно маленьким.

Из-за дождя костер хотели зажечь не сегодня, а завтра, но потом дядя Тезей, он тут басилевс, решил, что дождь не помешает.

Потому что это и не дождь. Просто капает.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Сфенел тоже приехал. Приехал – потому что его папа тоже на костре, рядом с моим. И дядя Гиппомедонт там, и дядя Мекистий, и дядя Партенопей.

А Ферсандр не приехал. Не приехал, потому что его папу не хоронят. Его папу фиванцы не отдадут. Они и моего папу не отдавали, и остальных, но дядя Тезей послал войско, и их всех отдали – кроме дяди Полиника.

Дядю Полиника не хотят хоронить, потому что он убил Этеокла. Не того, что сын Пройта (тот здесь же, рядом с папой), а другого, который его в город не пускал. Своего брата. Он его убил, а Этеокл – его.

И дяди Амфиарая тут нет. Говорят, его земля поглотила. А другие говорят, что его просто не нашли. Потому что там все погибли. Все – кроме дедушки Адраста. Дедушка на коне ускакал. У него, говорят, конь волшебный есть.

Дедушка тоже здесь. Это он уговорил дядю Тезея войско послать. Дедушка теперь весь седой. Весь – даже брови. Его теперь называют Злосчастный. Адраст Злосчастный. А почему он злосчастный? Ведь это папа погиб, а не дедушка.

Жаль, у папы коня волшебного не было!

Костер уже долго горит. Два часа. Или три. Я хотел ближе подойти, а меня не пускают. И Сфенела. И тетю Эвадну. Ее две рабыни под руки держат, потому что она совсем больная. Никого не видит и песню поет. Ту самую, про ласточку.

А дождь капает, капает.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Я спросил у дяди Тезея, можно ли нам плакать. Дядя Тезей мне руку на плечо положил (как взрослому!) и сказал, что можно.

Потому что папа умер. А у погребального костра даже герои плачут.

Сфенел тоже плачет. И все остальные. Даже дядя Тезей. А костер все горит, он огромный, от него пахнет сосной и вином. Вначале очень плохо пахло, а теперь – хорошо. Вино туда целыми амфорами лили. И благовония. Чтобы папе и всем остальным по дороге в Гадес хорошо было.

А когда мы уезжали, Ферсандр сказал, что отомстит за дядю Полиника. Он Фивам – всему городу отомстит. Вот только вырастет. А мне мстить вроде бы и не надо. Моего папу какой-то Меланипп убил, а папа его тоже убил. А еще про папу всякое плохое говорят, но я не слушаю. Папа – герой. И погиб, как герой. Он все равно – самый лучший! Я за него отомщу! Фивам отомщу – вместе с Ферсандром.

А Сфенелу и мстить некому. Некому, потому что дядю Капанея сам Зевс убил. Молнией. Никто из людей дядю Капанея убить не мог!

Выходит, Зевс все-таки слышал, когда дядя Капаней богов ругал?

Костер все никак не погаснет. Даже, кажется, больше стал. А дождь все капает, капает...

Кап... Кап... Кап... Кап...

А тете Эвадне совсем плохо. Она все хочет ближе к костру подойти. Ее не пускают, а она все равно хочет. Наконец ее пускают поближе...

Кап... Кап... Кап... Кап...

Я не знаю, здесь ли мама. Наверное, здесь, просто ее никто не замечает. Даже я. Мама сказала, что нам теперь видаться опасно. То есть и раньше было опасно, а теперь еще опаснее. Потому что если ОНИ узнают, то могут убить меня. И ее тоже.

Кто такие ОНИ, мама не говорит. Но я уже догадался.

ОНИ – это...

– Мама! Мама!

Почему Капанид кричит? Почему?..

– Тетя Эвадна! Тетя!..

Я бросаюсь вперед, и Сфенел бросается, и дядя Тезей, и все остальные. Но тетя Эвадна уже горит, вся горит – и волосы, и гиматий, и руки...

Горит – потому что она на костре. Рядом с дядей Капанеем.

Живая – горит.

Вся!

– Мама-а-а-а! Ма-а-ма-а-а! А-а-а-а!..

Хорошо, что я успеваю схватить Капанида за плечи! Хорошо, что дядя Тезей тоже успевает – стать между костром, где горит тетя Эвадна, и Сфенелом. Хорошо, что кто-то догадывается расцепить Капаниду зубы, потому что он весь синий, а глаза – такие же, как у его мамы...

А костер все горит, и дождь все идет...

Кап... Кап... Кап... Кап...

Песнь вторая Стрижка волос

Строфа-I

Это что-то маленькое было. То ли кратер, то ли амфора на ножке (критская, с осьминогами). Как раз посреди прохода.

– Тр-р-р-ах!

Ну, Капанид!

Теперь замереть, застыть. Вдруг не услышат? Стражник далеко, у входа, да только дверь-то открыта! (Они, стражники то есть, дверь в этот подвал не запирают. Потому как за вином сюда ходят. На то и весь расчет был.)

– Эй, кто там? Эй!

Услыхали! У-у, Дий Подземный!

– Это я... Сандалий развязался. Ремешок! – виновато бубнит Сфенел.

Шептать он не умеет. Голос такой.

– Да это крысы, господин десятник!

– Крысы? А ну, Ликоний, задница ленивая, проверь!

Попались!

Попались? Ну уж нет!

Из окошка, что на задний двор ведет (узкое, еле пролезли), не свет – полумрак. Луна-Селена вот-вот за холмы нырнет, утро скоро...

– Слева пифос. Прячься!

– А-а... А ты?

Отвечать нет времени. Дверь скрипит, в щель огонь факельный рвется... Только бы Капанид в горловину пролез. Вырос он за последний год! Ему, как и мне, тринадцать, а на все шестнадцать выглядит. Во всяком случае, на пятнадцать – точно. Я тоже подросток, но, конечно, не так. Поэтому в горловину (второй пифос, такой же, справа оказался) пролезаю сразу. Теперь дыхание затаить.

Замереть...

Шаги – тяжелые, грузные. Совсем рядом, близко. В глаза – неровный свет. Только бы не заглянул! Психопомп-покровитель, только бы не заглянул!

– Да никого, господин десятник. Крысы проклятые килик¹⁹ разбили!

Так, значит, это был килик!

По коридору – вверх. Сандалии – в руках. Это чтобы не стучали – и ремешки чтобы не лопались. На лестнице стражи нет, у дверей – нет...

Она и у входа стоять не должна, но дядя Эгиалей словно чувствовал – распорядился. А вообще-то Пелопсовы Палаты не охраняют. Вот дедушкин дворец (который Новый) – другое дело. Ну и стража у главных ворот. А также на стенах. И на башнях. И еще – собаки.

С собаками нам, между прочим, просто повезло. Капанид, конечно, захватил кусок вяленого мяса, но они тут злые. Злые – и ученые. Еще бы! Ларисса – наш акрополь. Твердыня Аргоса! Ну, ничего. Твердыня твердыней, а мы уже здесь!

¹⁹ **Килик** – небольшой сосуд для вина.

«Здесь» – это у высоких двустворчатых дверей. За ними – спальня дяди Эгиалея. Он всегда тут ночует, когда в Лариссе остается. Жена его, тетя Алея, и маленький Киантипп, понятное дело, у нас на Глубокой, в Доме Адраста (в том, что рядом с Царским). А ночует он здесь, потому что дядя Эгиалей – лавагет. Сюда, в Пелопсовы Палаты, ему донесения военные присылают.

– Стучим?

Это Капанид – баском. Он уже басить начинает – как его папа. Только бас часто на писк срывается. Как сейчас, например.

Я на всякий случай оглядываюсь. Как там в коридоре? Пусто в коридоре.

А неплохо все-таки! И ворота городские охраняются, и акрополь, и Пелопсовы Палаты...

– Стучим!

Подношу руку в старому дереву с медными цацками. Примериваюсь, чтобы по этим цацкам не попасть (острые!)...

Дверь открывается.

Сама.

– Крысы, значит? Килик разбили?

На дяде Эгилее – короткий плащ поверх хитона. Серый, какой воины в походе носят. И диадема серебряная. И сандалии красные.

Ждал?

– Ну заходите, разбойники!

Мы переглядываемся. Ждал! Но все равно – пришли!

– Радуйся, лавагет! – запоздало рапортую я. – Эфебы Диомед и Сфенел прибыли согласно приказу... Ай!

«Ай!» – это потому, что дядя меня за ухо схватил. А у него пальцы крепкие!

Вообще-то эфебов за уши таскать не положено. Эфебы – будущие воины. А мы с Капанидом не просто так эфебы, а эфебы на задании. Но как поспоришь, когда ухо...

– Ой-ой!

И мое ухо, и Сфенела тоже. Приходится входить в дядины покои без всякого достоинства воинского. Не шагом строевым, а бегом за собственными ушами.

– Ах вы, щенята! Да вы хоть знаете, чего натворили?

Мое ухо наконец свободно, Капанида, кажется, тоже. Во всяком случае, его «Гы!» звучит вполне уверенно.

– А если война из-за вас, негодников, начнется?

Дядя уже улыбается. Значит, мы все сделали правильно.

– Никак нет, господин лавагет, – чеканю я. – Не начнется!

И действительно, какая война? Ну, украли Палладий. Плохо, конечно. Из самого храма Афины-на-Лариссе украли! И куда только стража смотрела? Палладий ведь – святыня из святынь, его нашему Аргосу сама Афина Градодержательница подарила. А украли его двое каких-то святотатцев. Видели их, негодяев, – один повыше, лет пятнадцати, второй пониже, зато в плечах широкий. Лет двенадцать ему. Или тринадцать.

Погнались – не догнали. И теперь по всем дорогам ищут. А за Палладий дедушка награду назначил. Десять талантов!

– Нельзя было что-нибудь попроще взять? – укоризненно вздыхает дядя. – Кубок золотой или жезл какой-нибудь.

– Дедушкин? – самым невинным тоном интересуюсь я. – С которым он на троне сидит?

Сейчас подзатыльник получу! Нет, обошлось! И с Палладием обошлось. Его во всех городах наших, которые Аргосу подвластны, искали. И не только у нас. В Микенах искали. И в

Коринфе. И в Афинах тоже искали. А нашли в Дельфах. Прямо у золотого треножника, на котором пифия сидит. Утром двери открыли, зашли – а он там.

– А если Дельфы его не отдадут? А, ребята? И что нам тогда делать? И вообще, эфебы Диомед и Сфенел, вам не кажется, что это святотатство?

– Никак нет, – сообщаю я. – Не святотатство. Нам боги разрешили!..

Ну, не боги, конечно. Мама разрешила. И мне, и Капаниду. Разрешила и сказала...

– Дельфы, господин лавагет, Палладий отдадут, – подхватывает Сфенел. – Потому как им знамение будет. То есть было уже.

Вчера было. Когда мы из Тиринфа вышли...

...Не вышли – выбежали. Всю дорогу бежать приходилось. Да еще ночью. Иначе бы не успели никак. Ведь приказано было – вернуться к лавагету, к дяде то есть, на двадцатый день до рассвета. Едва добежали!

А про знамение мне мама точно сказала. И земля в этих Дельфах затрясется, и треножник засветится, и Палладий заговорит.

– Знамение, значит? Отдадут, значит?

Кажется, дядя жалеет о том, что не дал мне подзатыльник. И даже не мне, а нам обоим. И напрасно! Мы приказ точно выполнили. Сказано ведь: ценную вещь, охраняемую, в Дельфы – и вернуться. И все – за двадцать дней.

Мы-то в чем виноваты?

– Ладно, – вздыхает дядя. – Эфебы Диомед и Сфенел!..

Мы застываем. Стойка «смирно» – плечи развернуть, руки на бедра. Жаль, мечей нет!

– Летнее задание вам зачитывается. А теперь – пошли вон! Не спишь тут из-за вас. А если бы поймали?

– Нас? – искренне удивляется Капанид.

Баском.

Теперь можно домой, на Глубокую. Зайти, упасть прямо у порога, заснуть...

Нет, нельзя. Мы ведь эфебы! Не упасть, а помыться ледяной водой, жертву Гермесу Психопомпу принести... Нет, жертву можно и вечером, но помыться – обязательно.

И спать, спать, спать, спать... Неделя отпуска – как здорово!

Одно интересно – что еще в городе пропало? Ведь Ферсандр тоже летнее испытание сдает. И не он один. Вечно у нас в Аргосе с началом лета что-нибудь случается. Палладий – еще ничего, а было дело – у дедушки Адраста венец украли!..

(Это когда дядя Эгиалей летнее испытание сдавал.)

И еще интересно – когда нам наконец волосы остригут?

* * *

Они были уже здесь.

Алкмеон Заячья Губа, Амфилох Щербатый, ну и, понятное дело, пеласги.

Пеласги! Уже у самого Медного Дома!

Ну вот, а мы только-только из храма! Хитоны чистые, помыслы чистые, волосы помытые маслом смазаны. И настроение жертвенное.

(Век бы я этому Психопомпу жертвы не приносил! Не люблю – из-за мамы не люблю. Но что делать, если именно он всем вора, торговцам и путешественникам помогает? Мы, правда, не торговцы, а вот все остальное...)

– А, С-собака Дурная! И Сфенел, Сфенел! Смотрите, ребята!

Алкмеон уже хорош. То есть ничуть он не хорош, это так говорить принято. Небось опять неразбавленное лакал! И Амфилох хорош. И ведь обещал же мне! Клялся даже – все тем же Психопомпом.

– Ла-а-адно! Добрые мы сегодня. Катитесь отсюда, недомерки! Живо!

Катиться? С нашей Глубокой? Недомерки? Эх, хитона жаль. Новый совсем!

Я долго понять не мог, с чего это детишки покойного дяди Амфиарая до сих пор по улицам прохожих пугают да по ставням колотят? Алкмеону двадцать два уже исполнилось, Щербатый его всего на полтора года младше, а пеласгам неумытым ничуть не меньше нашего. И ведь не в эфебах. Понятное дело, в эфебы только добровольцы идут, но все-таки! Здоровые обалдуи по улицам шляются да вино хлещут. И к девицам пристают, само собой.

Я удивлялся, а потом мне объяснили. Вполголоса. Дедушка Адраст все чаще болеет. А ведь по традиции Аргосом должны править потомки Мелампода и Бианта. Вместе должны. Потомки Бианта – это дедушка и дядя Эгиалей. А потомки Мелампода... Да вот они, красавчики!

– Ты, Собака Дурная, не понял, что ли? Катись, а то зубов недосчитаешься!

– Собака, собака! Диомед – собака! Сфенел – Приап вместо носа! Приап вместо носа!

Капанид вздыхает – кажется, ему тоже жалко новый хитон. А по поводу приапа – это они промахнулись. У моего друга нос репкой. Как у дяди Капанея. Видать, из-за неразбавленного они уже приап от репки отличить не могут!

– А-а! – радуюсь я. – Глянь, Капанид, братцы Диоскурвы! И диоскурвики с ними!

– Не-а, – опровергает меня Сфенел. – Это гекатонприапы!

Ближайший пеласг-гекатонприап (конопатый, с шлемом-дыроглазом на башке) так и застывает с раскрытым ртом. То-то! Ты бы еще полный катафракт надел, обалдуй. Это с нами-то ругаться!

И с такими гетайрами Алкмеон хочет ванаком стать!

– Драться по одному! – деловито замечает Амфилох. – А ты, Диомед, отойди.

Кажется, он не так и пьян. Во всяком случае, правила помнит. Я не дерусь. Нельзя мне. И пить нельзя. И еще много чего нельзя.

Послушно отхожу в сторону. Если все по правилам будет (один на один, до первой крови, ногами и лежащего не бить), так и придется проскучать до полной победы. Но на душе все равно ласки скребут. Капанид один, а пеласгов – туча целая. Хоть бы Ферсандр с нами был!

(Про Ферсандра мы уже все знаем. Возле храма Времен Года, где мы жертву Психопомпу приносили, глашатай орет-надрывается про то, что из казны тиринфской некий злодей два таланта золота утащил. А лет тому злодею тринадцать будет, а росту он малого, сложения – худого, говорит по-беотийски, несет же золото краденое напрямик в Аргос.

И что самое обидное – никто его, злодея, там не видел. Как и нас с Капанидом в храме Афины. Это дядя Эгиалей приметы сообщил – чтобы нам всем не так легко было.

Два таланта! Да Ферсандр их и не поднимет. Он же еще не вырос совсем!)

– Чего? Испугался, с-собака этолийская?

Это – мне. Все тот же, в шлеме-дыроглазе. Отворачиваюсь. А за «этолийскую» уже можно и схлопотать! Пару лет назад меня уже накрыло бы. Сейчас ничего – научился. Не накроет.

– Эй, прекрати! – это Амфилох. – Он не дерется!

Ну, сейчас ему Сфенел пропишет гекатомбу! Но нет, не спешит дыроглаз. За чужие спины прячется.

– Что, Диомед-мозгоед? Тоже мозги жрешь, как твой папаша? Мозгоед-мозгоклюй! А твой папаша сдох, сдох, сдох!..

– Заткнись! Заткнись, дурак!

Амфилох все понимает. И остальные понимают. И я. Но – поздно.
Накрыло!

...Река шумела совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск – и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

– Тидид! Тидид!

Боль в плече. Ну, конечно, у Амфилоха клешни здоровые! А рука Сфенела, как обычно, на моем горле. Боевым захватом.

– Все, ребята! Уже! Отпустите!

Не говорю – хриплю. Здорово Капанид сдавил! Ничего, все живы!

Живы?

Как только хватка разжалась, встаю. У Медного Дома – пусто. Хвала Дию Ясному! В последнее время больше всего боюсь, что увижу жмурика. Дохлака то есть. Но – пока обходилось.

На лице Амфилоха – что-то непонятое. То ли красное, то ли сизое.

– Тидид, ты как?

Ого, да он, кажется, протрезвел!

– Чем? – Я киваю на красно-сизое под его левым глазом. – Не кулаком?

– Локтем, – щербатый рот дергается. – Да ничего, выживу. Ты, Диомед, меня извини.

– Тебя-то за что?

Да, зря этот дыроглазый дурак про папу ляпнул! Ведь не маленький уже, не сопляк безмозглый. А если бы такое про его отца рассказали?

...Перед смертью папа сошел с ума. Так говорят. Я не верю. Не хочу верить!..

– Тебя-то за что? – повторяю я. – Ты же не виноват!

С Амфилохом мы, в общем-то, друзья. Хотя он и ходит с пеласгами. Но куда ему деться от брата? Правда, с Алкмеоном он не очень и ладит. Из-за их мамы – тети Эрифилы. Алкмеон ее в смерти дяди Амфиарая винит. Будто бы тетя Эрифила от дяди Полиника ожерелье взяла (волшебное, самой Гармонии, жены Кадма Фиванского) и за это приказала мужу на войну идти. А дядя Амфиарай поклялся жену слушаться. И пошел – хоть и не хотел.

Алкмеон даже дом стенкой перегородил. Слева он живет, а справа – мама его с Амфилохом и дурочкой Айгиалой. Айгиала – это их сестра – старшая. Конопатая, косая, страшная. И пришепetyвает.

Во достанется же кому-то, уродина!

Итак, вокруг пусто. И возле Медного Дома, и дальше. Только у ступеней какие-то осколки лежат. Медные. Да это же шлем-дыроглаз! Бывший шлем то есть.

Ого!

– Это ты камнем, – подсказывает Капанид. – Во-о-он тем!

Нагибаюсь. Камешек – с яйцо воробыиное. И этим я!..

На душе – мерзко. Другой бы, наверное, радовался. А чему тут радоваться? А если бы у того болвана шлема не было?

– Тебя проводить? – Амфилох гладит пятно под глазом (уже синее!), морщится. – У-у, Гадес, ведь не хотел же пить!

Говорит – словно извиняться продолжает. Перед старшим. Передо мною то есть. Хотел я ему сказать, что от Бромия²⁰ одни неприятности (это еще мой дедушка Ойней понял), да не стал. Амфилоху уже двадцать один, а мне еще... Ха-ха, мне еще... И так мы с ним, как взрослые, разговариваем.

– Совсем выросли вы, парни! Когда вас стричь-то будут?

Переглядываемся. Не иначе, Амфилох у папы своего мысли читать научился.

– Скоро, наверное, – неуверенно замечает Капанид. – Может, на солнцестояние – на Гиперионов день.

– А меня сам Эврисфей постриг. Вместе с Атреем.

Это я помню. Амфилоха в Микенах постригли, а наш дедушка за это постриг Агамемнона – Атреева сыночка. Ух, и не понравился же мне он! Нос до небес – на трех рос, одному ему достался.

И гордый – не кивнул даже. А ведь я первым поздоровался, как и положено.

– Вот постригут вас, – итожит Амфилох, – и пойдем, ребята, по девочкам. Я вас с такой дулькой познакомлю!

Сфенел сопит. Краснеет. А мне – мне хоть бы хны. Не нужны мне эти дульки! И вообще девчонки не нужны. И без них хорошо. А вот волосы состричь – самое время!

Длинные волосы – значит, мальчишка еще. А постригут – сразу взрослым станешь. Ведь чего Амфилох про дулек этих самых заговорил (про иеродул²¹ то есть, которые при храме Афродиты)? Они на тех, у кого волосы длинные, и не смотрят. Запрещает богиня! Ну, дульки – это для Амфилоха, зато меч... Постригут – сразу же меч носить можно. Потому как взрослый!

Меч у меня есть – прадедов, старый, без ножен. Папин-то пропал.

И вообще – сколько можно быть маленьким?

* * *

– Пошли ко мне, Тидид. Чего тебе одному дома делать?

Тут Сфенел прав. Пусто у нас в доме. Давно пусто. Из тех слуг, что с папой пошли, никто не вернулся. Нянька умерла, и еще одна служанка тоже умерла. А одна убежала – я ее искать даже не стал.

Конечно, те, что остались, и подметают, и обед готовят, а дедушка помогает – мясо к празднику присылает. И вина всякие присылает, хоть мне и пить нельзя.

Да только пусто в доме. И страшновато даже. Особенно если мама долго не приходит.

(А я про маму Капаниду все-таки рассказал. Только не сказал, кто она. Он мне, кажется, не верил, пока я его с мамой не познакомил. Тогда он даже испугался. Немножечко, но испугался. Ну и зря! Мама – она очень добрая.)

– Так пошли?

– Не-а. У тебя там родичи.

Сфенел вздыхает. Кивает – соглашается, значит. Родичи – это тяжело, особенно Сфеноловы. Все – козопасы, от всех сыром несвежим пахнет. И все – богоравные. Только и знают про дедушку Зевса да про бабушку Гестию толковать. А мы слушать должны. Потому что – родичи!

Одно хорошо. Пока толковали (в прошлом году это было, когда очередной набег козопасов случился), выяснилось вдруг, что мы с Капанидом тоже родичи – через его дедушку Гиппона. Этот дедушка моему дедушке Ойнею кем-то там приходится. А еще мы, конечно, родичи

²⁰ **Бромий** – прозвище Диониса. Ойней, базилей калидонский, получил в дар от Диониса виноградную лозу, что привело к повальному пьянству во всей Этолии.

²¹ **Иеродулы** – храмовые рабы и рабыни. Иеродулы Афродиты занимались священной проституцией.

через дедушку Адраста, потому как его, дедушкин, дедушка женился на дочери Сфенелова прапра... В общем, какого-то там «пра». Это хорошо! А впрочем, мы и без всяких «пра» – лучшие друзья. На всю жизнь!

– Пойду к дяде Эвмелу, – решаю я. – Он мне велел сразу прийти, как мы в Аргос вернемся.

Капанид не отвечает. К родичам ему идти не хочется, а дядю Эвмела он, кажется, слегка побаивается. Как и моей мамы.

Вот чудак репконосый!

* * *

Могила Форонея, ворота Лариссы, Аполлон Волчий, голова Медузы... Знакомая дорога! Вот уже семь лет я тут хожу – чуть ли не каждый день.

К дяде Эвмелу!

Поначалу здешние мальчишки мне прохода не давали. Бить хотели. А теперь не хотят. Здороваются. В общем, они хорошими оказались. А сейчас трое из них в нашем десятке – тоже эфебы, как и мы.

Да, теперь я каждый камешек здесь знаю. И даже больше. Вот, например, Форонеева могила. Раньше думал – могила и могила, Фороней и Фороней. Бог – и все тут. Мало ли богов? А теперь я все знаю. Фороней – одно из имен Прометея. Некоторые думают, что это разные боги (в смысле, не боги – титаны, да все равно), а это только имена разные. И даже не имена – прозвища. Потому что Имя никто не знает (то есть почти никто). А прозвищ у каждого бога – хоть гидрой ешь. В Аргосе он Фороней, в Афинах – Прометей, а на Кавказе, где Руно Золотое украли, – Амиран. И еще одно прозвище у него есть – на «лы» (на значок «ламед», значит). Но оно очень плохое.

И «Аполлон» это тоже прозвище, и «Артемид», и даже «Зевс»... Но об этом – тс-с-с! Дядя Эвмел так и говорит: «Тс-с-с!»

А про Медузу я такое знаю! То есть не про Медузу, а про Медуз. Но об этом тоже «тс-с-с». А еще я знаю, почему дядя Амфиарай Зевса не любил. Но это не просто «Тс-с-с!» – это «Тс-с-с-с-с-с-с-с!».

А еще дядя Эвмел обещает рассказать... Ага, вот и пришел. Как-то быстро очень.

Так я же бежал всю дорогу!

Привычка!

* * *

– Эфеб Диомед после выполнения летнего задания...

– Не после, а для, – сурово перебивает дядя. – Думаешь, пифию напугал, пол-Ахайи сна лишил – и отдыхать? Нет, юноша, бегать – это еще не все.

Дядя Эвмел знает о Палладии. Я не удивляюсь – он все знает.

– Итак, эфеб, вопрос первый: отец Кадма?..

Тоже мне, вопрос! Это для маленьких. Но делать нечего. Стойка «смирно», руки на бедрах:

– ...Агенор, наставник.

– Сыновья Эллина?..

Мы с дядей, как всегда, на втором этаже, в той горнице, где камни со значками. Камни и папирусы. И еще таблички из глины. Дядя сидит на круглом камне, который называется «омфал». Его из Лерны привезли.

– Первый потоп был...

Это уже сложнее – считать нужно. Первый – это Огигов потоп, он был за двести шестьдесят лет до Девкалионова, а тот...

– ...Пятьсот тридцать два года назад, наставник.

– Медленно, эфеб! – дядя Эвмел качает головой. – А теперь – все предки Беллерофонта...

Последние два года дядя ходит с палочкой. Он совсем старенький, а ведь ему только тридцать лет! Мне его очень жалко, ведь он такой умный. И добрый! А дядя Эгиалей говорит, что Эвмелу и надо править в Аргосе. Но – нельзя. Эвмел – младший брат, да и править может лишь тот, кто войско водить умеет. Обычай такой. Дядя Эгиалей говорит, что этот обычай – глупый. И дикий.

– Ладно! – дядя наконец улыбается. – Гильгамеш приручил Энкиду с помощью...

Ага, это уже про Баб-Или (где у всех бороды – колечками). Но тоже просто.

– Дульки, наставник!

– Кого-о?

Ой!

– Виноват! басылей Гильгамеш приручил дикого волосатого человека Энкиду с помощью храмовой рабыни – иеродулы.

И что это я такое сморозил? Это все Амфилох. Дульку ему подавай!

Дядя Эвмел кряхтит. Кряхтит, головой качает. И смотрит странно.

– Про дулек, значит, думаем, эфеб Диомед? Ну-ну! Ладно, садись.

Я так и знал. Сейчас начнется! Про богов да про героев – это все закуска была. Лиру настраивали, как дядя говорит.

Сажусь прямо на пол. На ковер. Ноги скрещиваю, взгляд вперед. Застыл.

Готов!

Дядя вновь головой качает. Дядя встает. Дядя сундук открывает. Самый большой – с бляшками на боках.

– Ну-ка, выскажись!

В моих руках – диск. Почти такой же, как мы на стадионе метаем. То есть не совсем такой. И даже совсем не такой...

...Потрескавшаяся глина, неровные края. Значки! Ага, вот в чем дело! Значки! Критские – змейкой идут, от краев к центру.

– Табличка для письма, – осторожно начинаю я. – Круглая. Критская... Старая очень.

Только бы читать не заставил! Лучше сто раз отжаться, лучше с камнями за спиной прыгать!..

– Ну так читай, эфеб!

Пропал! Ведь табличка не просто критская. Она на Древнем языке. В Древнем и новом (тот, что на Крите сейчас) языках значки одинаковые, а вот слова...

– Сакава... Сакави... Сакавипити куави, – безнадежно вздыхаю я. – Ку... Куноси мина... Куноси минане... Саяпасм Саанори куави Тиллиси...

Древний язык я учить не хотел. Хеттийский – ладно, его папа знал. И еще на нем слов про войну много. А кому Древний нужен? На нем уже и не говорит никто, даже на Крите. Я так дяде и сказал. А он и не спорил. Просто как-то предложил (где-то через полгода, когда я все позабыть успел) никакие языки не учить, а свой язык выдумать. Тайный. Чтобы никто не понимал.

Ну и выдумали. Сначала – слова, потом значки. Красивые! Выдумали – а этот язык Древним оказался.

– ...Ираата тона... тонаси.

Все? Я перевернул диск, а там... Дий Подземный, там тоже значки!

– Хватит пока, – дядя милостиво кивает. – А теперь переводы.

Хорошо, что я, пока мы с Капанидом из Дельф бежали, все эти «куноси» да «танаси» повторял. Бежал – и повторял. И устаешь меньше, и польза.

– Сакавипити, правитель, царь в Куноси... в Кноссе то есть, собрал и освятил власть Саанори, правителя в Амнисе...

Дядя кивает – кажется, доволен. И я доволен – не забыл. Не забыл и даже вспомнил, кто такой этот Сакавипити. Это же Минос Пятый! А всего Миносов было девять. Это у аэдов, что на торге голоса, Минос один-одинешенек. А на самом деле...

– ...И Яситона, правителя, царя Минои. И повелел Сакавипити, правитель, царь в Кноссе, богам жертву принести... воздать, и сказал... изрек слова...

А чего он изрек – уже на второй стороне диска. И хвала богам! Тем, которым Минос Пятый жертву приносил.

(«Минос», между прочим, не имя, а титул. Потому и путаница.)

– Эфеб Диомед!

Встаю. Отдаю диск. Руки на бедрах.

– Молодец, мальчик! Молодец! Ты хоть пообедал?

Дядя Эвмел меня тоже жалеет, думает, что я – круглый сирота. Про маму я ему не рассказывал. Я бы рассказал, но мама запретила. Я так и не понял, почему.

Пообедать, конечно, можно. Но сначала...

– Дядя, а почему тем, кто взрослым становится, волосы стригут?

– А не передние зубы вырывают? – подхватывает он.

– Зу... Зубы? – Я невольно вспоминаю Амфилоха Щербатого. – А почему – зубы?

* * *

– А я бы иначе сделал, – Капанид хмурит лоб, репку свою чешет (это он думает так). – Я бы в девчонку переоделся. Ферсандр – он маленький. И красивый – как девчонка. Переоделся бы – и повозку нанял. Золото – в бочонок...

– Найдут, если в бочонке, – не соглашаюсь я. – Стражники – тоже не дураки.

– Тогда бы быка купил. А еще лучше – оленя. Ну, тушу копченую. А золото – в брюхо...

От родичей Капанид все-таки сбежал. Допекли! А чем именно – не говорит. Просто пришел ко мне, как стемнело, и сопеть стал. Ну я уж его знаю! С родичами ругаться не захотел – и сбежал.

Спрашивать что да как я не стал. Сам расскажет, если захочет. А пока можно и про Ферсандра поговорить. Про то, как ему лучше золото в Аргос доставить.

– И глухонемым притвориться – чтобы по речи не опознали. А еще лучше – такие слова говорить, где бы «пы» не было. И «ды» тоже...

– Можно, – задумываюсь я. – А можно иначе.

Да, можно и по-другому. Я об этом сразу подумал, как глашатая услышал.

– Я бы к Промаху пошел и договорился. Дылда ведь теперь басылей Тиринфа, так? Он бы мне стражу выделил – и вестника. Стража бы меня охраняла, а вестник кричал, что везут вора пойманного. Вместе с золотом. Так бы и приехали.

Капанид удивленно мигает. Репку свою чешет. Молчит.

– Нельзя, – наконец вздыхает он. – Никому постороннему рассказывать нельзя.

– А ты приказ вспомни! – усмехаюсь я. – Там про это ничего не было. Украсть – и доставить. А как – это уже наше дело.

– Гм-м-м... А чего ж мы тогда из Дельф бежали?

А бежали мы из Дельф потому, что там Промах Дылда Длинная не живет. Тамошнего басылея мы не знаем. Промах – он наш. Совсем наш.

Мы почти никогда не встречаемся все вместе – дети Семерых. Промах живет в Тиринфе, толстяк Полидор – в Лерне, Эвриал Смуглый – в Навплии. Все они теперь – басилеи, у них забот много (правят, понятно, дедушкины советники, но все-таки!), поэтому в Аргосе они только по праздникам бывают. Но все равно – мы вместе. Мы – Эпигоны. Потомки.

Наследники.

И нам есть что наследовать!

– А меня женить хотят! – внезапно сообщает Капанид.

Челюсть уже отвисает... Отвисла... Висит... Нет, быть не может! Это я критских значков перечитал.

– Женить хотят, – срывающимся баском повторяет Сфенел. – Вот постригут – и женят. На девчонке. Может, не сразу, но года через два – точно. Они, родичи, говорят, что я последний Анаксагорид²², и если я погибну, то род прервется. Поэтому я должен с девчонкой жениться...

Такое надо переварить. Такое надо обдумать. Одно ясно – отчего Капанид из дому сбежал. Сбежишь тут!

– Мужчина жениться хочет, – наконец вздыхаю я. – Хочет, а любовь – козел.

На этот раз челюсть начинает отвисать у Сфенела. Да так, что бедняга даже не может выговорить «чего?».

– Это папа так говорил, – поясняю. – Шутил. Пословица есть хеттийская, если ее перевести слово в слово, то так и будет. А по-нашему: стерпится – слюбится.

– Угу...

Да-а, Капаниду и вправду не до шуток. Ну что тут сделаешь?

– Они еще много чего говорят, Тидид. Ванакта нашего ругают – дедушку твоего. Говорят, он престол захватил. Аргосом трое править должны – потомок этого... Бианта, затем Мелампода, ну и Анаксагора. Так ванакт Пройт завещал, у которого дочери в коров превратились...

...Потому и называют их потомков – Коровьи дети. Шепотом, конечно. Эту сказку я знаю. У ванакта Пройта дочери спятили и себя коровами вообразили. А Мелампод их вылечил. За это и царем вместе с братом Биантом сделали. Только не так это было. То есть не совсем так.

(Но это – тоже «тс-с-с!».)

– И еще говорят, что никакой Адраст не Злосчастный. Он хитрый очень. Он нарочно так воевал, чтобы папы наши погибли. Они погибли – а он сам царствует. Один! А теперь хочет, чтобы мы тоже на Фивы пошли. И погибли. Тогда Эгиалей сам править будет. А после него Киантипп. У нас ведь детей еще нет, погибнем – и все!

Странно, где-то я уже это слышал. Не про дедушку, правда.

«Это ловушка, Ойнид! Теперь я точно знаю. Это все отец. Он, Психопомп и Тюрайос! Моя Семья... Семейка... Они даже название придумали – «Гекатомба». Понимаешь? Отец говорит, что, если получится сейчас, в следующий раз он соберет всех – чтобы никто не ушел...»

Мама говорила не о дедушке, не об Адрасте Злосчастном. Мама говорила о НИХ.

– Поэтому мне на Фивы идти нельзя, а нужно жениться и мальчиков делать. Побольше...

Посмеяться бы над сопящим Капанидом. То есть не над, а вместе с ним. Но моему другу не до смеха. И мне тоже.

²² **Анаксагорид** – потомок Анаксагора. Знатных ахейцев называли не только по отчеству, но и по имени предка, то есть по родовому прозвищу (фамилии). Соответственно: Сфенел Анаксагорид (полностью: Сфенел Капанид Анаксагорид). Диомед, Амфиарай, Амфилох и Алкмеон – Амифаониды, потомки героя Амифаона, отца Мелампода и Бианта. Анаксагориды и Амифаониды правили в Аргосе.

На Фивы мы пойдем. Обязательно пойдем, иначе и быть не может! Но вот все остальное...

– А давай сделаем так, чтобы нас постригли не в Аргосе. Пока вернемся, пока то да се, осень настанет. Твои родичи разъедутся...

– Гм-м-м...

– И вообще, – вдохновляюсь я. – Если нас в Аргосе постригут, это будет неправильно. Понарошку. Ведь как у нас делают? Собираются, жертву Зевсу Трехглазому приносят, который на акрополе, потом дедушка нож берет. И все! А я вот у дяди Эвмела спрашивал...

Дядя Эвмел все знает! И про это самое пострижение тоже. Оказывается, это обычай еще допотопный. Он и у пеласгов был (настоящих, а не тех, что с Алкмеоном ходят), и у первых людей, что до пеласгов жили. Тогда взрослым стать было трудно, не то что сейчас. Брали, например, мальчика и голым в лес пускали. Без всего – даже ножа не давали. А тело краской разрисовывали – липкой, так что не смыть. А тогда в лесу всякое было. И львы, и чудища, и гидры, конечно. Вот пока краска не сойдет, он в лесу и прячется. Выживет – постригут. Или с тем же львом драться заставляли – кто кого. Или опять-таки в лес загонят и облаву устроят.

Вот это и вправду – пострижение. Это уже не шутки! Правда, тогда не только стригли. У пеласгов мальчикам передние зубы вырывали. А на Крите – эти же зубы надпиливали и краской закрашивали (вот почему дядя про зубы сказал!).

Зубы – это, конечно, плохо. Зато тогда кто попало взрослым не становился. А если уж взрослый – так не понарошку. Уважать станут. Ведь это вам не жертву Трехглазому приносить!

Про зубы я Капаниду говорить не стал, но и прочего хватило. Он снова сопеть принялся (задумался!), а потом мы вдвоем думать начали. И в самом деле, вот бы придумать чего! Чтобы и нас уважать стали. Тогда и жениться не смогут заставить, и вообще. Потому как мы не просто так, мальчишки стриженные.

Мы – взрослые!

Антистрофа-I

– Слева! Справа! Справа! Выше! Еще выше! Еще раз! Еще!

Щит гудит – да так, что руке больно. Щит тяжелый, настоящий, а меч хоть и деревянный, но тоже тяжелый. Из дуба. Такой не расшибешь!

– Диомед, резче! Еще! Быстрее! Быстрее!

Быстрее не получается. Я все делаю правильно, но Эматсион все равно успевает отбить. Успевает – и сам бьет. Он – самый лучший на мечах. И самый быстрый.

– Шаг вперед! Слева! Щит вправо! Диомед, быстрее! Быстрее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.